

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 2 № 2 2020

Vol. 2 No. 2 2020

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

languagestudies.ru
ISSN 2686-830X (online)
DOI 10.33910/2686-830X-2020-2-2
2020. Том 2, № 2
2020. Vol. 2, no. 2

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Т. Г. Гусакова (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Tatiana G. Gusakova (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

Л. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitriy O. Dobrovolskiy (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical

University of Russia

48 Moyka Emb., St Petersburg, Russia, 191186

E-mail: izdat@herzen.spb.ru

Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,25 Мб

Подписано к использованию 13.11.2020

Published at 13.11.2020

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Исследования языка и современное гуманитарное знание» и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal "Language Studies and Modern Humanities" and the author(s) of the material in question.

Редактор *В. М. Махтина*

Корректор *А. Ю. Гладкова*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *А. М. Ходан*

Санкт-Петербург, 2020

© Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	51
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи.	53
Гончарова Е. А. Художественный эпистолярный и модус его формулирования в книге Кристины Нестлингер «Werter Nachwuchs!»	53
Никитина И. С. Вербализация толерантности в межличностном политическом общении ..	63
Рябуха О. В. К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов	72
Урусова Н. А., Чемодурова З. М. Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени»	81
Перевод и переводоведение	93
Разумовская В. А. Что «вымаливает» художественный оригинал: межъязыковое и межсемиотическое выживание	93
Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам	104
Гривина С. А. Приемы обучения пониманию текстов РКИ на этапе довузовской подготовки	104
Обзоры, рецензии, персоналии	111
Генидзе Н. К. Билингвизм в жизни и в классе. Рецензия на коллективную монографию: Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) Educational bilingualism: New language pedagogy. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p.	111

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	51
Linguistics and interdisciplinary research in language and discourse	53
<i>Goncharova E. A.</i> The imaginative epistolary and the mode of its formulation in Christina Nöstlinger's book "Werter Nachwuchs!"	53
<i>Nikitina I. S.</i> Verbalization of tolerance in interpersonal political communication	63
<i>Ryabukha O. V.</i> On the issue of mediatexts typology and interpretation.	72
<i>Urusova N. A., Chemodurova Z. M.</i> Linguocultural characteristics of Julian Barnes' "The noise of time"	81
Practice and theory of translation and interpreting	93
<i>Razumovskaya V. A.</i> What literary original is "pleading for": Interlingual and intersemiotic survival	93
Linguodidactics and language teaching methodology	104
<i>Grivina S. A.</i> Methods of teaching foreign students to understand texts at the stage of pre-university preparation (Russian as a foreign language)	104
Reports, reviews, personalities	111
<i>Genidze N. K.</i> Bilingualism in life and classroom. Book review: <i>Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) Educational bilingualism: New language pedagogy. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p.</i>	111

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание». В разделах «Лингвистика и прикладные исследования языка и речи» и «Перевод и переводоведение» вы сможете прочесть статьи, авторы которых ищут смыслы художественного текста с опорой на их лингвистический и лингвостилистический анализ. Опираясь на языковую данность художественного текста, как бы поверяя гармонию алгеброй, они дают ответы на главный вопрос, актуальный для всех дисциплин, область интересов которых связана с художественной коммуникацией, а именно: как языковая личность, автор художественного текста, присваивая язык, использует его для того, чтобы вложить в текст не только эксплицитно выраженные, но и прямо не высказанные смыслы, составляющие содержание авторского послания, приобщение к которому является конечной целью не только анализа, но и рецепции художественного произведения? Так, автор статьи «Художественный эпистолярный и модус его формулирования в книге Кристины Нестлингер “Werter Nachwuchs!”» Е. А. Гончарова рассматривает в качестве базового механизма реализации авторского замысла диалогические отношения как между повествовательными инстанциями, так и между ними и адресатом. Диалогизм повествования является вместе с тем основным определителем литературного жанра, который в статье обозначается как «художественный эпистолярный». Новизна анализа заключается в том, что реальный автор трактуется в статье как имманентный речевой субъект текста произведения, реализованный, в частности, в модусе формулирования текста, в котором соединяются функционально-прагматическое единообразие всех композиционных и архитектурных составляющих текста как реализации художественной стратегии автора. В статье «Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса “Шум времени”» (Н. А. Урсова и З. М. Чемодурова) механизмы смыслообразования в тексте романа-биофантастики Дж. Барнса рассматриваются как намеренная игра автора в семантическом поле «фактологичность — фикциональность», одной из стратегий которой является конструирование инокультурного контекста, отражающего реальные пространственно-временные отношения. В статье В. А. Разумовской «Что “вымаливает” художественный оригинал: межъязыковое и межсемиотическое выживание» перевод «сильного» текста художественной литературы рассматривается как процесс и результат его адаптации к инокультурным условиям, осуществляемой с опорой на его смысловые ресурсы. Впервые вводится принципиально новый материал переводов пьесы А. П. Чехова «Три сестры» на разные языки; особенно ценно, что это не только «большие» западные языки — английский, французский, немецкий, но и «большой» восточный язык — китайский, и впервые ставятся в один ряд внутрисемиотический и межсемиотический переводы.

Авторы статей «К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов» (О. В. Рябуха) и «Вербализация толерантности в межличностном политическом общении» (И. С. Никитина) обращаются к материалу, который попал в поле внимания лингвистики сравнительно недавно в связи с произошедшим в ней когнитивно-дискурсивным поворотом. Речь в них идет о медиадискурсе и о политическом дискурсе. Анализ нового, сложного и противоречивого материала требует его систематизации, выработки принципов анализа и критериев классификации, что и стало результатом проведенного каждым из авторов исследования.

Единственная статья, вошедшая в раздел «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам», «Приемы обучения пониманию текстов РКИ на этапе довузовской подготовки» (автор С. А. Гривина) завершает совместный проект, но не сотрудничество нашего журнала с Межвузовским центром билингвального и поликультурного образования РГПУ им. А. И. Герцена. Статья интересна тем, что в ней с опорой на многолетний опыт рассматриваются приемы формирования речевых навыков и умений на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному

с использованием элементов прогрессивных технологий обучения, которые, как правило, широко применяются на продвинутых этапах обучения иностранному языку.

В рубрику «Обзоры, рецензии, персоналии» мы включили рецензию Н. К. Генидзе на коллективную монографию «Educational bilingualism: New language pedagogy», вышедшую в 2019 году в издательстве Cambridge Scholars Publishing под редакцией Н. А. Гуниной и Р. П. Милрода. Интересно, что автор рецензии оценивает эту монографию, над которой работал большой мультилингвальный авторский коллектив, как революционную с позиции англофонного общества и видит ее ценность в обосновании билингвальной методики обучения иностранному языку, учитывающей не только особенности родного языка, но также родной культуры и специфики менталитета учащихся, что является, как полагает Н. К. Генидзе, «закономерной реакцией на новую языковую ситуацию в мире, характеризующуюся экспансией английского языка и возникновением на его основе новых региональных вариантов — World Englishes, за каждым из которых встает его собственная языковая норма, отражающая языковой опыт и менталитет говорящего на нем общества».

Не сомневаюсь, что каждая статья этого выпуска нашего журнала заслуживает внимания и непременно найдет своего читателя.

*С уважением,
главный редактор журнала
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
РГПУ им. А. И. Герцена
Валерия Анатольевна Андреева*

Художественный эпистолярный и модус его формулирования в книге Кристины Нестлингер «Werter Nachwuchs!»

Е. А. Гончарова^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Евгения Александровна
Гончарова,
SPIN-код: 2029-2490,
e-mail: eagon@rambler.ru

Для цитирования:

Гончарова, Е. А.
(2020) Художественный
эпистолярный и модус его
формулирования в книге
Кристины Нестлингер «Werter
Nachwuchs!». *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 2, № 2, с. 53–62.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-53-62

Получена 5 мая 2020; прошла
рецензирование 17 июня 2020;
принята 17 июня 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности модуса формулирования текста в книге популярной детской австрийской писательницы Кристины Нестлингер в их коррелятивных отношениях с наиболее существенными элементами тематики и содержания произведения. Анализируемый текст принадлежит к достаточно редкому литературному жанру «художественный эпистолярный», так как представляет собой цикл писем (макротекст) фикционального адресанта — пожилой женщины Эммы К. к своему потомству. Оригинальность текста состоит в том, что письма (микротексты эпистолярного целого) не написаны, а внутренне «проговорены» фикциональным автором, что создает коммуникативно-художественную ситуацию разветвленного (потенциального, по М. М. Бахтину) ментально-речевого «диалога»: между реальным автором и вымышленным адресантом писем; между вымышленным автором и его воображаемыми адресатами; между автором и реципиентом текста. Изучение характерных лингвостилистических примет подобного диалога, являющегося в рассматриваемом художественно-речевом произведении базовым принципом тематико-речевой организации текста, предваряется в настоящей статье историческим экскурсом в эволюцию «письма» как типа текста, а также определением прототипических характеристик «художественного эпистолярного». Исследование осуществляется на фоне анализа сходств и различий этого типа текста с иными эпистолярными жанрами, такими как (нефикциональный) автобиографический эпистолярный, с одной стороны, и художественный роман или повесть в письмах — с другой. В качестве наиболее существенных примет стилистического модуса формулирования в книге К. Нестлингер автор статьи интерпретирует случаи контаминации нарративного и рефлексивного планов текста, а также лингвостилистические маркеры субстанционального «диалога» между реальным и вымышленным автором. Особое место в этой интерпретации занимает анализ текстовой актуализации темы языка как важного компонента потенциального диалога между реальным и вымышленным автором художественного эпистолярного. В основе анализа лежит представление о том, что реальный автор является имманентным речевым «субъектом» текстового целого, образно воплощенным в том числе и в модусе формулирования, в котором наблюдается глубинно-структурный изоморфизм, или функционально-прагматическое единообразие всех его композиционных и архитектурных компонентов, направленных на реализацию художественной стратегии автора текста.

Ключевые слова: модус формулирования текста, эпистолярный, потенциальный диалог, реальный автор, автор писем.

The imaginative epistolary and the mode of its formulation in Christina Nöstlinger's book "Werter Nachwuchs!"

E. A. Goncharova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Evgenia A. Goncharova,
SPIN: 2029-2490,
e-mail: egon@rambler.ru

For citation:

Goncharova, E. A.
(2020) The imaginative epistolary and the mode of its formulation in Christina Nöstlinger's book "Werter Nachwuchs!". *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 53–62.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-53-62

Received 5 May 2020;
reviewed 17 June 2020;
accepted 17 June 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article examines the mode of text formulation in the book written by the popular Austrian children's writer Christina Nöstlinger in their correlative relations with the most essential elements of the subject and content of the work. The analyzed text belongs to a fairly rare literary genre "imaginative epistolary", since it is a series of letters of a fictitious addresser — an elderly woman, Emma K. to her offspring. The originality of the text lies in the fact that the letters are not written but inwardly "spoken" by a fictional author. This creates an imaginary communicative situation of extensive mental-verbal "dialogue" between the real author and the fictitious addresser of letters; between the fictitious author and her imaginary addressees; between the author and the text recipients. The study of the characteristic linguo-stylistic features of such a dialogue is preceded in this article by a historical overview of the evolution of "writing" as a type of the text, as well as the definition of the prototypical characteristics of "imaginative epistolary". The background of the research is the analysis of similarities and differences of this text type compared with other epistolary genres, such as the (non-fictional) autobiographical epistolary and the novel or story in letters. The author interprets cases of contamination of narrative and reflective discourses, as well as linguo-stylistic markers of a substantial "dialogue" between a real and a fictitious author. The textual representation of the theme of language is considered as an important component of a potential dialogue between the real and fictitious author of an imaginative epistolary. The analysis is based on the idea that the real author is an immanent speech "subject" of the whole text, figuratively embodied, including the mode of formulation, in which there is a deep-structural isomorphism or functional-pragmatic uniformity of all its compositional and architectonic components aimed at implementing the intention of the author of the text.

Keywords: mode of text formulation, epistolary, potential dialogue, real author, author of letters.

1. Предмет и цели исследования

Книга одной из популярных современных немецкоязычных детских писателей Кристины Нестлингер (1936–2018) «*Werter Nachwuchs!*» («Дорогое потомство!»)¹ вышла в свет в 1988 году и сразу привлекла благожелательное внимание и читательской аудитории, и литературной критики. В соответствии с подзаголовком книги: «*Die nie geschriebenen Briefe der Emma K., 75*» («Ненаписанные письма семидесятипятилетней Эммы К.»), — ее можно отнести к литературному жанру «художественный эпистолярный».

Оригинальность и выразительность стилистического модуса в этом эпистолярном просматриваются уже в заглавии и подзаголовке текста.

Первый представляет собой неопределенно-личное обращение немолодой «полуанонимной» Эммы К. к своему разновозрастному потомству (сыну, дочери, невестке, зятю, внукам и еще не рожденному правнуку), с одной стороны, как бы извлеченное из структуры одного из писем, а с другой — объединяющее письма к разным адресатам в единый макротекст. Подзаголовок, как уже отмечалось, эксплицитно определяет жанр текста — художественный эпистолярный от лица женщины, имя и инициал фамилии которой не совпадают с именем и фамилией указанной на обложке писательницы. Фикциональность диалога в письмах, изображаемого автором, обусловлена и тем, что героиня на самом деле не пишет письма (ср.: «*die nie geschriebenen Briefe der Emma K.*»), а «проговаривает» их внутри себя, поднимая важные,

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка на русский автора статьи.

с ее точки зрения, проблемы отношений между старшим и молодым поколениями.

Добрая ирония, которая ощущается в сильной начальной позиции текста, пронизывает и весь последующий текст, так что и читатель чувствует себя вовлеченным в тот мудрый и лишенный всякой назидательности, имитированный разговор-размышление, который ведет Эмма К., делясь с молодыми людьми остроумными жизненными наблюдениями. Книгу трудно назвать «чисто» детской, хотя К. Нестлингер адресует большинство своих произведений именно детям, поскольку в тексте поднимается богатый спектр социальных, культурных и этических проблем, которые касаются читателей разного возраста.

Цель настоящей статьи² состоит в том, чтобы, во-первых, показать на примере интерпретируемого текста лингвостилистические и содержательные особенности, а также выразительные возможности литературного жанра «эпистолярный» в литературе нашего времени. Во-вторых, она заключается в осмыслении и описании тех речевых механизмов, с помощью которых автор К. Нестлингер превращает на первый взгляд незамысловатую композицию и архитектуру текста в настоящее «литературное лакомство» (нем. «*literarisches Leckerbissen*») (Sackmeier).

2. Эпистолярный и его отдельные виды

Письмо как таковое издавна принадлежит к весьма употребительным текстам. Его текстовая модель появилась уже во времена античности как возможность осуществления коммуникации между людьми, удаленными друг от друга в пространстве и времени. Возникнув в виде краткого письменного сообщения (отсюда нем. *Brief* от лат. *brevis* — «короткий»), которое посылалось адресату через специального курьера, письмо впоследствии стало приобретать самые разнообразные формы («сердечное послание», донесение, рапорт и др.), обеспечивая человеку удаленные приватные и деловые контакты.

«Эпистолярный» (от лат. *epistulare/-is* — собрание/цикл писем) представляет собой, с позиций интерпретации текста, «макротекст», состоящий из ряда писем (микротекстов) одного и того же автора. Как в целом, так и по отношению к отдельным письмам внутри цикла эпистолярный является персональным словесно-

речевым продуктом, обладающим определенными, свойственными только ему, лингвостилистическими чертами, добавляемыми к общим типологическим свойствам «письма» как отдельного вида текста.

Для него характерна прежде всего коммуникативно-прагматическая асимметрия во взаимодействии адресанта с адресатом, объясняемая тем, что производство и восприятие писем как комплексных речевых высказываний «разорваны» во времени. В связи с этим «эгоцентрический» автор писем свободен в тематике и способах формулирования ментально-речевых действий на протяжении всего письменного монологического высказывания, руководствуясь собственными интересами отправителя информации. Несомненно, однако, и то, что в процессе разворачивания текстовой структуры эпистолярный автор не может не опираться на тематико-содержательные импульсы, которые он получает от партнера по переписке, и не учитывать возможную реакцию либо конкретного, известного ему, либо потенциального читателя. Подобный коммуникативно-прагматический приоритет единоличного автора эпистолярный проявляется в относительном стилистическом единообразии текстов отдельных писем и всего их цикла, что позволяет считать отдельные элементы и явления в композиционно-архитектоническом построении писем сигналом определенных индивидуально-стилистических предпочтений автора.

Для целей исследования, представляемого в данной статье, принципиально разделение авторских циклов писем на два больших класса текстов: 1) автобиографический эпистолярный и 2) художественный эпистолярный.

К первому виду эпистолярного относятся опубликованные письма исторических личностей, имена собственные которых называются в «затекстовой» позиции (нем. «*außertextuelle Markierung*») (Lejeune 1994, 23). В этом виде эпистолярного изображение социально значимых документальных культурно-исторических событий, проблем и ситуаций в жизни общества переплетается с рациональными и эмоциональными рефлексиями (реального) автора. На его личности лежит «ответственность за содержание всего написанного текста» (нем. «*man möge ihr <...> die Verantwortung für die Äußerung des gesamten geschriebenen Textes zuweisen*») (Lejeune 1994, 23). Особое место среди автобиографических эпистоляриев занимает переписка писателей, которую можно отнести как к историографии, так и к литературной прозе, так как письма, входящие в них, как правило, отлича-

² Статья является переработанным и сокращенным русским вариантом немецкоязычного оригинала, написанного на несколько иную тему и изданного автором под другим названием в 2015 году в Германии (Goncharova 2015).

ются оригинальной содержательно-языковой формой и широким использованием выразительных и изобразительных средств. В целом они дополняют существующие в истории и теории литературы представления о творческой лаборатории и особенностях языковой картины мира писателя.

В истории немецкой литературы эпистолярный жанр играет значительную роль прежде всего в творчестве романтиков, индивидуальное и социальное существование которых, как известно, определялось в первую очередь чувством и фантазией. Поэтому и собственная переписка, и художественная эпистолярная текстовая форма стали для них «очень тонким инструментом в формировании исторических, мировоззренческих или эстетических позиций» (нем. «ein hochsensibles Instrument bei der Herausarbeitung geschichtlicher, anschaulicher oder ästhetischer Positionen») (Klingenberg, Träger 1986, 78). Эпоха романтизма примечательна и тем, что именно тогда впервые получили общественное признание женщины — авторы писем (Каролина Шлегель-Шеллинг, Беттина фон Арним, Рахель Левин-Фарнхаген и др.). Для женщин того времени литературная форма письма стала едва ли не единственной возможной формой самовыражения в атмосфере полуоткрытых и достаточно свободных от социальных условностей романтических кругов.

Позднее автобиографический эпистолярный жанр занимает значительное место в творчестве таких немецких писателей, как Теодор Шторм, Теодор Фонтане, Томас Манн, Герман Гессе, Райнер М. Рильке. Фонтане, который сам называл себя «человеком длинных писем» (нем. «ein Mann der langen Briefe») (Reuter 1960, 5), известен как большой мастер эпистолярной литературной формы. Оставив после себя более 5 000 эпистолярных текстов, писатель нередко рассуждал в своих письмах о самом эпистолярном искусстве. В частности, Фонтане считал, что «<...> письмо должно быть не научной статьей, а выражением и отражением настроения» (нем. «Ein Brief solle keine Abhandlung, sondern der Aus- und Abdruck einer Stimmung sein») (Nürnberg 1980, 63). Приведенную цитату можно считать преамбулой лингвостилистической интерпретации микротекста личного письма и макротекста эпистолярного жанра, так как ее автор акцентирует рефлексивный характер и роль разного рода субъективных модуляций для текстовой информации.

II. Фикциональный эпистолярный жанр, по сравнению с автобиографическим, принадлежит к достаточно редким художественным жанрам.

В истории литературы более известны близкие к нему жанровые художественные формы «роман в письмах» и «повесть в письмах», которые целиком или в значительной части состоят из писем персонажа/-ей. Наряду с общим функциональным признаком — письменной самореализацией некоего «Я» в текстовом формате, ориентированном на прочтение послания и ответную реакцию адресата, — для всех трех жанров характерны «очевидное несовпадение (имен) автора всего текста и адресанта писем» (нем. «offene Praxis der Nicht-Identität (Autor und Briefersteller sind nicht namensgleich)»), а также «подтверждение фиктивности (изображаемого. — Автор.)» (нем. «Bestätigung der Fiktivität») (Lejeune 1994, 29). Последнюю функцию часто выполняет подзаголовок, указывающий на принадлежность текста к определенному литературному жанру: например, «Ф. Достоевский. Бедные люди. Роман», «R. Huch. Der letzte Sommer. Erzählung in Briefen» и др.

Эпистолярный роман и повесть в письмах отличаются от фикционального эпистолярного и то, что в основе сюжетного движения в двух первых эпистолярных жанрах лежит «фабула», или «история» (story). Иными словами, их художественная событийность создается автором в универсуме текста в определенной нарративной логике, связанной с развитием (события/-й) во времени и разрешением некоего конфликта.

В художественном эпистолярном жанре (истории) как таковой нет. В этом художественном жанре вербализуется коммуникативная ситуация «потенциального диалога» (Бахтин 1979, 171) вымышленного автора писем с воображаемым/-и партнером/-ами по переписке. В микротекстах (отдельных письмах) целостного эпистолярного макротекста адресант освещает отдельные личные или общественно значимые темы и события, которые могут быть как связанными между собой определенными темпоральными и причинно-следственными отношениями, так и фрагментарными, независимыми друг от друга. Стилистически релевантным в границах всего макротекста художественного эпистолярного жанра становится, таким образом, отношение между способами языкового формулирования основной тематики писем и так называемой «модальностью взаимодействия» (нем. «Interaktionsmodalität») (Sandig 2006, 96). Последняя зависит, с одной стороны, от характера персудивного и суггестивного воздействия на читателя содержания тем, избираемых вымышленным автором для обсуждения, а с другой — от видов прагматического фокусирования в структуре текста различных аспектов этих тем со стороны субъекта письменного высказывания.

3. Контаминация нарративного и рефлексивного в художественном эпистолярном К. Нестлингер

В семидесяти одном письме рассматриваемого фикционального эпистолярного отдельные эпизоды из жизни, о которых рассказывает их вымышленный автор, семидесятипятилетняя женщина Эмма К., не связаны между собой временными отношениями. Каждый из эпизодов является фактическим подтверждением и/или аргументом-реминисценцией к поднимаемой в письме теме. Это позволяет говорить о наличии внутренней каузальной связи между нарративным эпизодом и темой: автор вспоминает о событии, чтобы проиллюстрировать какую-то семейную, социальную или этическую проблему на личном опыте. Кроме того, следует заметить (об этом пишет и сама Эмма К.), что пожилые люди, как известно, во время речевого общения с другими охотно возвращаются в прошлое. Поэтому подобные нарративные включения в текст, соединенные с рассуждениями персонажа, можно отнести и к средствам психологизации текста. Например:

<...> Den größten Teil meines langen Lebens habe ich hinter mir. Darum sind die Erinnerungen für mich sehr wichtig geworden. Mich an frühere Zeiten zu erinnern gehört schon langsam zu den liebsten Beschäftigungen, die ich habe. <...> In meinem Leben tut sich nicht mehr viel, und Pläne für die Zukunft habe ich auch keine mehr. Ich habe Zeit für die Vergangenheit! Ich genieße meine Erinnerungen! (Nöstlinger 1994, 93–94)

<...> Я прожила большую часть моей долгой жизни. Поэтому воспоминания стали играть для меня очень важную роль. Постепенно воспоминания о прошедших годах стали моим самым любимым занятием. Моя жизнь не так полна событиями, да и планов на будущее больше нет. Зато у меня есть время для прошлого! Я наслаждаюсь воспоминаниями!

Пожилая дама сознается, что «страшно любит» (нем. «*schrecklich gern*») рассказывать истории из прошлого, которые дети слышали уже много раз, и сравнивает свои рассказы с историями молодежи:

Ihr, liebe Kinder, erzählt ja auch gern Geschichten aus Eurem Leben. Nur: Bei Euch tut sich tagtäglich allerhand. Ihr erlebt jede Menge "brandneuer" Geschichten. (Nöstlinger 1994, 93)

Вы, дети, тоже ведь любите рассказывать о случаях из вашей жизни. Только у вас каждый день обязательно что-то происходит. У вас всегда есть масса «самых свежих» историй.

Текстовые включения, в которых героиня сообщает о произошедшем с ней (забавном или грустном) случае, функционируют как нарративная экспозиция к главному тематическому мотиву, на который Эмма К. хочет обратить внимание молодых людей. Композиционно-логическое отношение между письмом как письменной актуализацией речевого действия героини и описываемым событием можно обозначить как «*ex post*» («после/из произошедшего»). Если рассказывается о каком-то однократном случае, то нарративная ситуация, как правило, близка ко времени написания письма, на что указывают временные наречия (*gestern* — особенно часто), *unlängst* и темпоральные словосочетания *letzten Sonntag, bei Eurem/Deinem letzten Besuch*. В случае повторения нарративных ситуаций они вводятся в текст письма, как правило, парным наречным словосочетанием *immer wieder*. Например:

Werter Nachwuchs

Gestern war ich beim Arzt. Blutdruckmessen. Und auf dem Weg dorthin hatte ich ein Erlebnis, das ich Euch nicht vorenthalten will. Es war wirklich zu komisch!

Also, ich humple da so dahin, recht langsam, und bleibe an der Kreuzung bei der Hauptstraße stehen, um zu „verschnaufen“. Die Fußgängerampel schaltet auf Grün, aber ich bleibe weiter stehen, weil ich noch etwas außer Atem bin... (Nöstlinger 1994, 145)

Дорогие дети!

Вчера я ходила к врачу мерить давление. И по пути туда со мной произошел случай, которым не могу не поделиться с вами. Это было так смешно!

Так вот, ковыляю я туда, довольно медленно, и останавливаюсь на перекрестке у Центральной улицы, чтобы «отдышаться». Светофор включает зеленый свет, а я все еще стою, потому что запыхалась.

И дальше Эмма с юмором рассказывает, как «упитанный господин в расцвете сил» («*dickleibiger Herr in den besten Jahren*») тащит пожилую женщину против ее воли «со скоростью поезда» («*im Schnellzugtempo*») на другую сторону улицы

со словами: «*Давай, дай, мамаша, еще немного осталось. Не бойся, мамаша, я с тобой!*» («*Ja, ja, Mutterl, gleich bist Du drüben. Musst keine Angst haben, ich pass' schon auf dich auf, Mutterl!*» (Венский диалект здесь и далее. — Автор.). Но когда он вместо, по всей видимости, ожидаемой от дамы благодарности услышал в его же манере: «*Du, du mein liebes Buberl, wenn du das noch einmal tust, dann bekommst du vom Mutterl eine saftige Watschen!*» («Дорогой паренек! Если ты еще раз сделаешь такое, то получишь от мамы хорошенькую оплеуху!»), — он впал в ярость и обругал «всех старых теток» («*alle alten Weiber*»), а ее обозвал «старой каракатицей» («*eine alte Schreckschraube*»).

На примере этой, казалось бы, веселой истории в тексте (не в первый раз) поднимается очень серьезная тема выстраивания отношений между молодыми и стариками. Как следует обращаться с пожилыми людьми? Со снисходительным дружелюбием и собственным представлением о том, в чем они нуждаются, или с вдумчивым вниманием к их интересам и их состоянию? Мораль истории (по существу притчеобразной) содержится в двух последних абзацах письма, которое заканчивается прощанием с автономизацией «мамаша» (*Mutterl*) (аллюзия на обращение к ней молодого пешехода). Суггестия всего письма и его заключительной морали усиливается дополнительно и тем, что оно занимает конечную «сильную позицию» во всем эпистолярном Эммы К.:

Na, werter Nachwuchs, ist das nicht wirklich komisch? Der Kerl ist, ohne zu zögern, per Du mit mir und nennt mich „Mutterl“, aber wenn ich, ohne zu zögern, per Du mit ihm bin und ihn ganz einfach „Buberl“ nenne, dann wird er böse und nimmt übel und regt sich auf.

Warum nur? Warum? Das fragt sich wirklich

Euer „Mutterl“ (Nöstlinger 1994)

Ну что, дорогие дети, разве это не смешно? Парень,нисколько не сомневаясь, «тыкает» мне и называет меня «мамашей», а когда я перехожу с ним на «ты» и называю его «пареньком», он начинает злиться, оскорбляется и выходит из себя.

А почему, собственно? Почему? Вот это вопрос, который задает себе

Ваша «мамаша».

Приведенный отрывок письма свидетельствует и об особом характере реализации в макротексте художественного эпистолярного уже отмеченной выше «диалогичности» как семантико-прагматического принципа жанровой организации текста, квинтэссенция которого базируется на трех видах (внутренних) двусторонних проекций:

- (субстанциональный) диалог между языковым сознанием и речевым поведением реального автора и вымышленного автора писем;
- (потенциальный) диалог между фикциональным автором писем и его вымышленными адресатами, актуализируемый письменной монологической формой текста, который, однако, содержит диалогически валентные элементы;
- (опосредованный) диалог (мнений) между реальным автором и (потенциальным) читателем как имплицитное следствие двух первых видов диалогических отношений.

4. Отражение в стилистическом модусе текста субстанционального «диалога» между реальным и вымышленным автором

Между мировоззрением писательницы Нестлингер и героини Эммы К. есть много общего. Как считает автор книги в одном из интервью, «можно выдумать только тех персонажей, которые похожи на тебя самого» («*Man kann <...> immer nur Figuren erfinden, die einem selber <...> ähnlich sind*») (Mahle 2011). В этом же интервью Нестлингер называет себя дальше «веселым пессимистом» («*Ich bin ein heiterer Pessimist*»). Похожее высказывание Эммы К. о себе читатель находит в одном из ее писем:

„Unsere Oma“, hat unlängst einer von Euch gesagt, „ist eine unheilbare Optimistin!“ Und der Rest von Euch hat dieser Meinung eifrig nickend beigestimmt.

Darf ich Euch daraufhinweisen, werter Nachwuchs, dass Ihr da allerhand verwechselt, weil ich nämlich überhaupt keine Optimistin bin. Optimistin zu sein, würde ja bedeuten, dass ich auf den guten Ausgang allen Geschehens vertraue, und das tue ich wahrlich schon längst nicht mehr.

<...>

Man kann nicht sein Lebtage lang beobachten, wie sich die Menschheit unvernünftig und bösar-

tig benimmt, und trotzdem glauben: Ab morgen wird sich alles ändern! Ab morgen wird es auf Erden liebevoll und vernünftig zugehen! <...>

Wieso ich <...> weder mieselsüchtig noch verbittert, noch grantig wirke? Die Antwort ist einfach: Eben, weil ich keine Optimistin bin! (Nöstlinger 1994, 31–32)

«Наша бабушка, — сказал один из вас недавно, — несправимая оптимистка!» А остальные усердно закивали, соглашаясь с ним.

Позволю вам заметить, дорогие дети, что вы все перепутали, потому что я совсем не оптимистка. Быть оптимисткой означает верить в хороший исход всего, что происходит, а я давно этого не делаю. <...>

Нельзя всю свою жизнь видеть, как неразумно и жестоко ведет себя человечество и, несмотря на это, верить, что завтра оно исправится! И что завтра жизнь на земле станет доброй и разумной! <...>

А почему я не ворчу и со злостью не придираюсь ко всему происходящему? Ответ простой — именно потому, что я не принадлежу к оптимистам!

Как видим, мнения о себе у реального автора и ее протагонистки практически совпадают, и на фоне приведенной выше реплики Нестлингер высказывание Эммы К. можно считать стилистической фигурой несобственно-прямой речи писательницы, создавшей ее образ. Хотя буквально словосочетание «heiterer Pessimist» в письме ни разу не используется, его общий контекст свидетельствует о том, что героиню можно отнести к «веселым пессимистам», потому что она, хотя и «не верит в хороший исход всего, что происходит», «не ворчит и со злостью не придирается ко всему происходящему».

Мораль этого письма выражена опосредованно: раскрывая внукам свой собственный рецепт излечения от «мук оптимизма» («*Optimismus-Leiden*»), автор письма рисует картину того, как это может сделать каждый. В ее заключительной сентенции местоимения *man* и *ich* выступают в качестве языковых индикаторов самоидентификации «Я» с «Другими» (не только с непосредственными адресатами письма). А метонимическая семантика местоимения *ich*, связанная с «контекстуальной ситуацией» (Гончарова 2010, 17–19) образного переноса личных

мотивов на других, и футуральная глагольная форма превращают последнее предложение письма (конечная «сильная позиция» текста) в оптативный косвенный речевой акт:

Gerade dann, wenn man über den Verlauf dieser Welt schier verzweifeln könnte, braucht man doch zum Weiterleben ein bisschen Wärme und Zärtlichkeit, Trost und Zuspruch. Und Spaß auch! Wenn ich schon die Welt so gar nicht ändern kann, werde ich sie nicht auch noch durch meine Mieselsucht und meine Verbitterung noch trostloser machen! (Nöstlinger 1994, 32)

Как раз тогда, когда ты чуть было совсем не разочаровался в устройстве этого мира, тебе для того, чтобы жить дальше, нужно хоть немножко теплоты и нежности, утешения и участия. Но и шутки тоже! Если уж я не могу изменить мир, не буду же я своим брюзжанием и злостью делать его еще более безотрадным!

5. Тема языка как компонент потенциального диалога между реальным и вымышленным автором художественного эпистолярия

Для (субстанционального) «диалога» между реальным автором и вымышленным адресантом писем, а также для стилистического модуса текста чрезвычайно важна и тема «языка», который в рассматриваемом произведении актуализируется в своей инструментальной функции и как одна из важных тем текста. Реальный автор является имманентным речевым «субъектом», образно воплощенным в том числе и в модусе формулирования текста, который помогает читателю получить представление об «идиолекте» языковой личности, создавшей речевое произведение. В стилистическом модусе любого текста наблюдается (в глубинно-структурном плане) изоморфизм, или функционально-прагматическое единообразие всех его композиционных и архитектурных компонентов, поскольку последние есть не что иное, как ментально-речевые элементы, осознанно используемые автором при осуществлении определенной коммуникативно-художественной стратегии, которую предстоит разгадать реципиенту.

В этом смысле ментально-речевые действия персонажей (как, впрочем, и сами они) представляют собой материально воплощенный «факт» внутри созданного фантазией автора мира (план содержания текста) и целостной лингвостилистической структуры его художе-

ственно-речевого произведения (план выражения текста). С другой стороны, эти действия выступают и в качестве «артефакта», или продукта словесно-речевого искусства, поскольку как их содержание, так и форма «пропитаны» особенностями творческого мировоззрения и индивидуальными особенностями речевого поведения автора текста, что, несомненно, усложняет процессы понимания и интерпретации литературно-художественных произведений для читателя. Способы речевого поведения образа персонажа, приписываемые ему автором художественного текста (как и сама констелляция действующих лиц), — это не только чисто формальный, но и тематический, или, как его называет исследователь М. Андреотти, «формально-тематический» («formalthematisch») признак текстовой структуры (Andreotti 2000, 21).

В соответствии с вышесказанным индивидуальная речевая манера (или «стиль») героини Эммы К. — это, с одной стороны, такой индивидуальный и социально-культурный портрет пожилой жительницы Вены, живущей в наши дни, каким представляет его себе К. Нестлингер. С другой стороны, отдельные компоненты речевой организации этого образа отражают и чувство языка самого автора, а также масштаб ее языкового опыта и знания живого современного австрийского варианта немецкого языка. Иными словами, можно сказать, что в текстовой системе происходит синтез индивидуального стиля языковой личности писательницы и литературно-художественного «образа» индивидуального стиля созданной ею героини. Индивидуальный стиль К. Нестлингер «атомарно» присутствует в речевых высказываниях Эммы К. — как выражение части общей функционально-прагматической стратегии при формулировании когнитивно и коммуникативно значимых аспектов эпистолярного текста.

Так, например, литературные критики отмечают, что К. Нестлингер в большинстве своих произведений превращает австрийский и венский разговорный язык в средство литературно-художественной выразительности (Lovely Books). Частое использование австрицизмов и слов из венского диалекта можно наблюдать и у героини эпистолярного текста: (*die*) *Regiments-Tratschen*, *Kaffeehäferl*, *Greifslerei/Greifler*, *granteln*, *Grantschern*, *Sparkassa*, *Buchtel(-n)*, *Depp*, *Wurstl*, *Schubladel*, *sich abbeuteln*, *retour*, *bisserrl*, *Krauthappel*, *Erdäpfel*, *Watschen* и др. Пожилая женщина прибегает к ним не только в собственной речи, но и при передаче чужих слов, особенно если она цитирует «стариков», своих соседей или родственников. Так, например, Эмма

приводит целый фрагмент на венском диалекте из речи своей пожилой соседки, жалующейся на дочь:

Ka Geduld und ka Einsehen. <...> Wegen ein bißl Lautsein und Dagegenreden ist sie gleich aus dem Häusel. Und daß als Kind selber schlampert war, hats total vergessen! (Nöstlinger 1994, 86)

Никакого терпения и понимания. <...> При малейшем шуме и несогласии с ее мнением сразу выходит из себя. А то, что в детстве сама была неряхой, это она совсем забыла!

Эмма К. очень внимательна и к тому, как говорят ее собственные дети и внуки, и часто подшучивает над новомодными, по ее мнению, словечками, делая вид, что не всегда понимает их. Так, в одном из писем, в котором она подписывается как «ваша любознательная бабушка» (*Eure wissbegierige Oma*) она размышляет на тему «странного» для нее (*merkwürdig*) модного понятия «стресс» (*Stress*):

Ihr alle seid — Euren eigenen Aussagen nach — unentwegt und tagein und tagaus sehr gestresst. Ich, alte, der neuen Fremdwörter nicht sehr kundige Frau rätsle ziemlich herum, was dieses Wort eigentlich zu bedeuten hat. <...> Klärt mich also bitte schnell über den „Stress“ auf, sonst muss ich glatt annehmen, dass Ihr Euch einfach eines Modewortes bedient, das immer herzuhalten hat, wenn Euch eine Tätigkeit keinen Spaß macht. (Nöstlinger 1994, 65–66)

Вы все — если вас послушать — постоянно, с утра до ночи, в стрессе. Я как старая, не очень сведущая в новых иностранных словах женщина все время ломаю себе голову, а что это слово значит. <...> Пожалуйста, просветите меня, иначе я буду думать, что вы просто используете модное слово, чтобы показать, как вам не нравится ваша работа.

Как всегда, и в этом, и в других письмах протагонистка не хочет поучать молодых людей и противопоставлять им себя как «жеманную старицу» (*eine zimperliche Greisin*), хотя они и шокируют ее часто своими «сильными выражениями» (*sogenannte Kraftausdrücke*). И в то же время героиня аргументирует, почему она против «ежедневной бранчивости» (*gegen die Alltagsschimpferei*). В воображаемом диалоге с детьми пожилая женщина выражает озабоченность тем, что дети, прибегая только к «сильным выражениям», «забудут все слова, которые выражают нежность, приветливость и привязан-

ность» (*alle Wörter vergessen, die Zärtlichkeit und Freundlichkeit und Zuneigung ausdrücken*). Подобную озабоченность неоднократно публично высказывала и сама К. Нестлингер: «У детей собственный жаргон. И собственный “замыганный” язык» («*Die Kinder haben einen eigenen Jargon. Und eine verschluderte Sprache*») (Mahle 2011).

Выводы

Анализ стилистического модуса формулирования в немецкоязычной книге К. Нестлингер «*Werter Nachwuchs!*» доказывает принадлеж-

ность этого произведения к жанру «фикциональный эпистолярый», а также многослойность и объемность реализуемого на основе оригинального авторского стиля текстового информационно-художественного смысла. Мастерски сконструированная текстовая структура, пронизанная разными видами прямой и потенциальной диалогичности, делает это произведение интересным как для читателей разных возрастных групп, так и для интерпретации в практике преподавания филологических дисциплин в вузе.

Литература

- Бахтин, М. М. (1979) *Проблемы поэтики Достоевского*. 4-е изд. М.: Советская Россия, 318 с.
- Гончарова, Е. А. (2010) Ситуация как фактор стиля. In: *Stylistika. T. 19*. Opole: Uniwersytet Opolski, s. 7–22.
- Andreotti, M. (2000) *Die Struktur der modernen Literatur*. 3. Aufl. Bern; Stuttgart; Wien: Haupt, 440 S.
- Goncharova, E. A. (2015) Der fiktionale Brief in Christine Nöstliners “*Werter Nachwuchs!*”: Stil als Beziehungsgestaltung im Generationendialog. In: I. Pohl, W. Schellenberg (Hrsg.). *Linguistische Untersuchungen jugendliterarischer Texte im Rahmen einer “relationalen Stilistik”*. Frankfurt am Main: Peter Lang, S. 257–284.
- Klingenberg, A., Träger, C. (1986) Brief. Briefroman. In: C. Träger (Hrsg.). *Wörterbuch der Literaturwissenschaft*. Leipzig: Bibliographisches Institut, S. 76–78.
- Lejeune, Ph. (1994) *Der autobiographische Pakt. Aus dem Französischen von Wolfram Bayer und Dieter Hornig*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 432 S. (Aestetica. Neue Folge Bd 896).
- Mahle, N. (2011) Interview mit Christina Nöstlinger: Ich bin keine Erzieherin. *Planet Interview*, 7. Dezember. [Online]. Available at: <http://www.planet-interview.de/interviews/christine-noestlinger/35510/> (accessed 20.02.2018).
- Nürnberg, H. (1980) Fontanes Briefstil. In: H. Aust (Hrsg.). *Fontane aus heutiger Sicht. Analysen und Interpretationen seines Werkes*. München: Nymphenburger, S. 56–81.
- Reuter, H.-H. (Hrsg.). (1960) *Von Dreißig bis Achtzig: Sein Leben in seinen Briefen*. Leipzig: Dieterich, 604 S.
- Sackmeier, G. Christine Nöstlinger. *Lovelybooks*. [Online]. Available at: www.lovelybooks.de/autor/Christine-Noestlinger/ (accessed 20.02.2018).
- Sandig, B. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. 2. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 584 S.

Sources

- Nöstlinger, Ch. (1993) *Werter Nachwuchs! Die nie geschriebenen Briefe der Emma K.*, 75. Ungekürzte Ausgabe. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 216 S.

References

- Andreotti, M. (2000) *Die Struktur der modernen Literatur*. 3. Aufl. Bern; Stuttgart; Wien: Haupt, 440 S. (In German)
- Bakhtin, M. M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]*. 4th ed. Moscow: Soviet Russia Publ., 320 p. (In Russian)
- Goncharova, E. A. (2010) Situatsiya kak faktor stilya [Situation as a style factor]. In: *Stylistika. Vol. 19*. Opole: Uniwersytet Opolski, pp. 7–22. (In Russian)
- Goncharova, E. A. (2015) Der fiktionale Brief in Christine Nöstliners “*Werter Nachwuchs!*”: Stil als Beziehungsgestaltung im Generationendialog. In: I. Pohl, W. Schellenberg (Hrsg.). *Linguistische Untersuchungen jugendliterarischer Texte im Rahmen einer “relationalen Stilistik”*. Frankfurt am Main: Peter Lang, S. 257–284. (In German)
- Klingenberg, A., Träger, C. (1986) Brief. Briefroman. In: C. Träger (Hrsg.). *Wörterbuch der Literaturwissenschaft*. Leipzig: Bibliographisches Institut, S. 76–78. (In German)
- Lejeune, Ph. (1994) *Der autobiographische Pakt. Aus dem Französischen von Wolfram Bayer und Dieter Hornig*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 432 S. (Aestetica. Neue Folge Bd 896). (In German)
- Mahle, N. (2011) Interview mit Christina Nöstlinger: Ich bin keine Erzieherin. *Planet Interview*, 7. Dezember. [Online]. Available at: <http://www.planet-interview.de/interviews/christine-noestlinger/35510/> (accessed 20.02.2018). (In German)

- Nürnberg, H. (1980) Fontanes Briefstil. In: H. Aust (Hrsg). *Fontane aus heutiger Sicht. Analysen und Interpretationen seines Werkes*. München: Nymphenburger, S. 56–81. (In German)
- Reuter, H.-H. (Hrsg). (1960) *Von Dreißig bis Achtzig: Sein Leben in seinen Briefen*. Leipzig: Dieterich, 604 S. (In German)
- Sackmeier, G. Christine Nöstlinger. *Lovelybooks*. [Online]. Available at: www.lovelybooks.de/autor/Christine-Nöstlinger/ (accessed 20.02.2018). (In German)
- Sandig, B. (2006) *Textstilistik des Deutschen*. 2. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 584 S. (In German)

Вербализация толерантности в межличностном политическом общении

И. С. Никитина^{✉1}

¹ Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Сведения об авторе

Ирина Сергеевна Никитина,
e-mail: nikitina_irina_92@mail.ru

Для цитирования:

Никитина, И. С.
(2020) Вербализация
толерантности в межличностном
политическом общении.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 2, № 2, с. 63–71.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-63-71

Получена 25 апреля 2020; прошла
рецензирование 19 июня 2020;
принята 31 июля 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления толерантности в межличностном политическом общении. В качестве языкового материала были отобраны 10 протоколов заседаний рабочих групп и 1 протокол пленарного заседания в немецком парламенте за 2019 год.

Вопросы межличностной коммуникации, а также понятие «межличностная толерантность» вызывают неизменный интерес у исследователей-психологов. В психологии толерантность зачастую относят к личностным характеристикам человека. Исходя из этого определения, автор настоящей статьи предлагает рассматривать толерантность как параметр изучения речевого поведения языковой личности политика. Разработанная автором схема анализа включает три критерия, позволяющие определить уровень толерантности/интолерантности речевого поведения политика: (1) языковые проявления толерантности, не связанной напрямую с политическими оппонентами; (2) совокупность лингвостилистических маркеров в оппозиции «политическая толерантность/интолерантность»; (3) вид реакции на конфликтогенные речевые ситуации.

Анализ отобранных текстов, включающих речи 6 политических деятелей, представителей разных действующих партий ФРГ, показал, что политики чаще всего осознанно используют толерантность, не связанную с оппонентами, чтобы создать положительный образ себя и своей партии в глазах избирателей, однако в конфликтогенных речевых ситуациях могут проявлять интолерантность по отношению к оппонентам. Толерантная/интолерантная реакция на собеседника связана прежде всего с темпераментом политика.

Помимо этого, автор статьи рассматривает толерантность как коммуникативную норму в межличностном политическом общении, при этом толерантность не отождествляется с понятием политической корректности. Основные языковые средства вербализации толерантности как нормы поведения в межличностном политическом общении — это прежде всего средства вежливости, согласия, признания субъективности собственного мнения.

Ключевые слова: политическая коммуникация, межличностное общение, толерантность, межличностная толерантность, вербализация толерантности.

Verbalization of tolerance in interpersonal political communication

I. S. Nikitina^{✉1}

¹ Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

Author

Irina S. Nikitina,
e-mail: nikitina_irina_92@mail.ru

For citation:

Nikitina, I. S.
(2020) Verbalization of tolerance
in interpersonal political
communication. *Language Studies
and Modern Humanities*, vol. 2,
no. 2, pp. 63–71.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-63-71

Received 25 April 2020;
reviewed 19 June 2020;
accepted 31 July 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article covers the topic of features and manifestations of tolerance in interpersonal political communication. 10 reports of working group meetings and 1 report of the plenary session in the German Parliament for 2019 were selected as the language material.

The issues of interpersonal communication, as well as the concept of “interpersonal tolerance” are of constant interest to research psychologists. In psychology, tolerance is often referred to as human’s personal characteristics. Based on this definition, the author of this article suggests considering tolerance as a parameter for studying the verbal behavior of a politician’s linguistic personality. The analysis scheme developed by the author includes three criteria to determine the level of tolerance-intolerance of a politician’s verbal behavior: (1) linguistic manifestations of tolerance, not directly related to political opponents; (2) a set of linguistic-stylistic markers in the opposition “political tolerance/intolerance”; (3) the type of reaction to conflictogenic situations.

The analysis of selected texts, including the speeches of 6 political figures, representatives of various political parties in Germany, showed that politicians most often consciously use tolerance not related to opponents in order to create themselves a positive image and the positive image of their party in the eyes of voters, however, in conflictogenic speech situations they can exhibit intolerance towards their opponents. A tolerant/intolerant reaction to the opponent is associated primarily with politician’s temperament.

In addition, the author of the article considers tolerance as a communicative norm in interpersonal political communication, while tolerance is not identified with the concept of political correctness. The main language means of verbalization of tolerance as a norm of behavior in interpersonal political communication are primarily the means of courtesy, consent and recognition of the subjectivity of one’s own opinion.

Keywords: political communication, interpersonal communication, tolerance, interpersonal tolerance, verbalization of tolerance.

Введение

В последние десятилетия феномен толерантности вызывает неизменный интерес у исследователей из различных научных областей, в первую очередь — гуманитарных. Исследователей-философов занимают вопросы о природе явления толерантности и ее границах, социологи исследуют роль толерантности в обществе и последствия интолерантного поведения, в рамках политологии толерантность рассматривается как инструмент урегулирования конфликтов, педагогические исследования посвящены методам воспитания толерантного поведения.

Проблемы межличностных взаимоотношений и роль толерантности в них находят отражение в многочисленных исследованиях по психологии

(Сухих 2005; Тимофейчева 2010; Капустина 2008; Спицына 2005 и др.). Так, О. А. Спицына рассматривает толерантность как показатель позитивных межличностных взаимоотношений и предлагает понимать под межличностной толерантностью «готовность личности к осознанным действиям, направленным на достижение гуманистических отношений между людьми и группами людей, имеющими различное мировоззрение, разные ценностные ориентации, стереотипы поведения» (Спицына 2005, 218). Опираясь на три выделенные М. Смитом (Smith 1986) компонента описания психологических явлений, О. А. Спицына называет три компонента межличностной толерантности: когнитивный (установка на толерантность), эмоционально-оценочный (оценивание объекта толерантности) и поведенческий (действия по

отношению к объекту толерантности) (Спицына, 2005, 219).

Многие исследователи сходятся во мнении, что толерантность — это свойство или характеристика личности (Селюкова, Фокина 2013; Костюшина 2017; Капустина 2008). В. А. Тимофейчева называет два основных подхода к изучению толерантности в психологии: толерантность как стабильная или ситуативная способность личности к сохранению саморегуляции в конфликтной ситуации и толерантность как способность к неагрессивному поведению вне прямой зависимости от действий другого (Тимофейчева 2010, 95).

Толерантность как черта личности предполагает наличие следующих сопутствующих качеств: адекватная самооценка; знание себя; признание других; ответственность за свои поступки; чувство юмора; расположенность к другим; самообладание; терпение; способность к рефлексии; отсутствие тревожности; высокий уровень общительности; умение выражать свое несогласие; аргументировать отказ от сотрудничества; отсутствие стереотипов, предрассудков (Селюкова, Фокина 2013; Костюшина 2017; Капустина 2008).

Толерантность как параметр изучения речевого поведения политика

Большинство современных исследователей занимаются изучением межличностной толерантности как важной характеристики личности участника педагогического процесса: педагога, студента, учащегося. Мы утверждаем, что толерантность является необходимым качеством личности политика, поскольку успешная политическая деятельность невозможна без опоры на господствующую сегодня в обществе идею толерантного межличностного взаимодействия.

Важным фактором протекания межличностной речевой коммуникации в политике является ситуация общения, которая включает в себя место, время, партийную принадлежность, политическое настроение собеседников, их взаимоотношения и многое другое. К особенностям межличностного общения политиков относятся также его публичность, многоканальность, конвенциональность, способность мгновенно реагировать. Помимо этого, политический деятель, вступая в коммуникацию, должен опираться на законы своей страны, на политическую стратегию своей партии, и в то же время на его речевое поведение оказывают влияние личностные факторы: пол, возраст, темперамент, отношение к собеседнику и др.

Для исследования особенностей речевого проявления толерантности в межличностной политической коммуникации были отобраны 10 протоколов заседаний рабочих групп, а также один протокол пленарного заседания в немецком парламенте — Бундестаге. Принципиальное различие между двумя выбранными типами заседаний состоит в том, что в рамках заседаний рабочих комитетов целью коммуникации является обмен информацией и выработка консенсуса по определенному вопросу для создания законопроекта. Во время пленарного заседания, во-первых, обсуждаются вопросы более широкого, стратегического характера и, во-вторых, исходя из этого, политики — члены парламента, официально представляя свою партию, борющуюся за политическое влияние в стране, «работают на публику».

К основным средствам вербализации толерантности в текстах обоих типов протоколов можно отнести, прежде всего, лексемы с семантикой:

- «свобода» (*Freiheit, Pressefreiheit, Berufsfreiheit, Wahlfreiheit, Meinungs- und Versammlungsfreiheit, freiheitlicher Staat, Freiheitlichkeit, Freiheit des Glaubens, Demokratie, demokratische Grundwerte, demokratischer und liberaler Verfassungsstaat, demokratisches Land, demokratische Wahl, demokratische Willensbildung, demokratische Prozesse*);
- «справедливость» (*Gerechtigkeit, Chancengerechtigkeit, Lohngerechtigkeit, soziale Gerechtigkeit, innerdeutsche Gerechtigkeit*);
- «права граждан» (*Menschenrecht, Frauenrechte, soziale Rechte, Rechtsstaatlichkeit, rechtsstaatliches Handeln, die rechtsstaatlichen Verfahrensprinzipien, rechtsstaatliche Tradition*);
- «равенство» (*Gleichheit aller Staatsbürgerinnen und Staatsbürger, Gleichheit der Bürger vor dem Gesetz, Rechtsgleichheit, Chancengleichheit, Gleichheitsgebot*);
- «мирное существование» (*Frieden, Frieden der Welt, friedenssichernde Freundschaft, friedenspolitische Herausforderung*);
- «социальная общность» (*gemeinsam, Gemeinsamkeit, Einheit*) и др.

Многие политики, чтобы усилить аргументацию и авторитетность своего высказывания, ссылаются в выступлениях на текст конституции и других законов страны. Так, доктор Фолькер Ульрих, депутат ХДС/ХСС, в дискуссии по вопросам прав на голосование использует третью статью конституции, которая посвящена неотъемлемым правам человека и, в частности,

толерантности к людям с ограниченными возможностями. Dr. Volker Ullrich (CDU/CSU): *Wir stehen hinter Artikel 3 Absatz 3 des Grundgesetzes, dass niemand wegen seiner Behinderung benachteiligt werden darf* (Мы поддерживаем пункт 3 статьи 3 Основного закона, согласно которому никто не должен быть обделен по причине инвалидности) (Plenarprotokol... 2019, 76).

Исходя из определения толерантности как индивидуального ментального и психологического свойства личности, мы предлагаем рассматривать толерантность в коммуникативно-прагматическом аспекте как параметр речевого поведения языковой личности. Рассмотрим пример изучения языковой личности политика с учетом уровня толерантности/интолерантности его речевого поведения. Для анализа были отобраны выступления на пленарном заседании следующих представителей действующих партий в немецком парламенте: доктора Матиаса Бартке (СДПГ), Вильфрида Оллерса (ХДС/ХСС), Йенса Беека (СвДП), Ренаты Кюнаст (Зеленые), Нимы Мовасаат (Левые), доктора Кристиана Вирта (АдГ).

В основу анализа легла модель научного описания языковой личности политика, разработанная с учетом уровня толерантности/интолерантности его речевого поведения. Для этого были выделены три критерия, позволяющие оценить уровень толерантности/интолерантности речевого поведения политика: (1) языковые проявления толерантности, не связанной напрямую с политическими оппонентами; (2) совокупность лингвостилистических маркеров в оппозиции «политическая толерантность/интолерантность»; (3) вид реакции на конфликтные речевые ситуации (сюда относятся тексты комментариев, зафиксированных в рамках заседания).

В ходе анализа удалось установить, что уровень толерантности/интолерантности речевого поведения у разных политиков отличается и напрямую связан с ситуацией общения. Так, все перечисленные политики использовали лексемы и высказывания, выражающие толерантность в ситуациях, не связанных напрямую с их политическими оппонентами (критерий под номером 1). В первую очередь сюда относятся слова с семой «справедливость» (*Gerechtigkeit, Rechtsstaat, Rechtsstaat, Rechtsstaatlichkeit, Schutz der Bürgerrechte, Menschenrechte, Bewahrung von Freiheits- und sozialen Rechten*), «свобода» (*Freiheit, Freiheitsrechte*), «равенство» (*Gleichheit, Gleichstellung*).

Кроме этих средств проявления толерантности, названные политики в ходе своих вы-

ступлений зачастую действуют в рамках прагматико-тематической установки «защита прав определенной социальной группы». Например, депутат партии СДПГ Матиас Бартке защищает право лиц с ограниченными возможностями на участие в голосовании:

Meine Damen und Herren, man darf Menschen das Wahlrecht nicht vorenthalten, nur weil sie unter Vollbetreuung stehen. [...] Keine Person und keine Institution auf der ganzen Welt haben das Recht, Menschen wegen irgendwelcher Eigenschaften das Wahlrecht abzusprechen (Дамы и господа, нельзя отказывать человеку в праве голоса только потому, что он находится под полной опекой. [...] Ни один человек или ни одно учреждение в мире не имеет права лишать людей права голоса из-за каких-либо их характеристик) (Plenarprotokoll... 2019, 77).

Данное высказывание можно считать примером проявления «эмпатической» толерантности, т. е. толерантности к людям с другими физиологическими возможностями. Толерантность реализуется в данном отрывке посредством модальной конструкции с глаголом *vorenthalten* (незаконно лишать), который включает в свое значение сему дискриминирования. Благодаря частице *nur* автор высказывания подчеркивает, что физиологические и психические особенности не являются достаточной причиной для лишения гражданина Германии права на голосование. Типичным средством репрезентации толерантности здесь также служат инклюзивы: *keine Person, keine Institution*. При этом гиперболизированное уточнение *auf der ganzen Welt*, а также конструкция с неопределенно-обобщающим местоимением (*wegen irgendwelcher Eigenschaften*) указывают на неотъемлемость права человека на выборы.

Итак, согласно первому критерию анализа, речевое поведение всех названных политиков можно охарактеризовать как толерантное: их выступления содержат лексику и выражения, репрезентирующие идею равноправного социального взаимодействия. Наименее «толерантным» при этом можно назвать выступление доктора Кристиана Вирта, представителя АдГ. Так, например, свою речь он начинает с обращения: *Herr Präsident! Werte Kollegen!* Несмотря на то, что данное обращение нельзя на первый взгляд расценить как интолерантное, можно, однако, предположить, что депутат АдГ сознательно отказывается от использования фемининной формы обращения. Это связано с политикой партии, представителем которой он

является: АдГ активно выступает против идеологии гендера. При этом все остальные политики, речи которых были отобраны для анализа, используют двойные обращения, что свидетельствует о последовательном проявлении гендерной толерантности: *Meine Damen und Herren! Liebe Kolleginnen und Kollegen! Meine sehr geehrten Damen und Herren!*

Второй критерий анализа речевого поведения языковой личности политика — маркеры политической толерантности/интолерантности как выражение отношения к политическим оппонентам.

Поскольку толерантность является одной из основных ценностей современной Германии, о чем свидетельствует закрепление ее на законодательном уровне, политические деятели зачастую используют идею толерантного социального взаимодействия, чтобы создать себе, а также своей партии положительный образ в глазах потенциальных избирателей. При этом нередко политики прибегают к риторическим фигурам контраста и с помощью использования языковых сигналов толерантности выставляют в невыгодном свете своих политических оппонентов:

*Kolleginnen und Kollegen von der SPD und von der Union, denken Sie an das Motto des Behindertenbeauftragten Ihrer Bundesregierung: **Inklusion ist zunächst eine Frage der Haltung.** — Ihre Haltung werden Sie heute in der **namentlichen** Abstimmung zeigen müssen* (Коллеги из СДПГ и Союза, подумайте о девизе уполномоченного по делам лиц с ограниченными возможностями вашего федерального правительства: инклюзивность — это, прежде всего, вопрос отношения. Свое отношение вам нужно будет сегодня показать в поименном голосовании) (Plenarprotokoll... 2019, 74).

Представитель партии СвДП Йенс Беек обращается к членам партий оппонентов — СДПГ и ХДС/ХСС с косвенным призывом проголосовать за принятие законопроекта о праве лиц с ограниченными возможностями на голосование. При этом он ссылается на девиз представителя правительства (***Inklusion ist zunächst eine Frage der Haltung***), в котором идея толерантности выражена через существительное *Inklusion* со значением включения всех членов общества. Далее политик напоминает оппонентам, что их (интолерантное) отношение к упомянутым лицам будет видно по результатам открытого голосования в рамках данного заседания.

Другой пример ярко выраженной критики:

*Wir durften aber nicht Miteinbringer des Gesetzentwurfes sein, weil das die CDU/CSU nicht will. Dabei dachte ich, es sollte hier um **Inhalte gehen**. Werte Kolleginnen und Kollegen von der Unionsfraktion, geben Sie doch **endlich** Ihre **bornierte Haltung** auf* (Однако нам не разрешили внести свой вклад в законопроект, потому что ХДС/ХСС этого не хотят. Я думал, речь шла о содержании. Дамы и господа — представители Союза, откажитесь наконец от своего узколобого отношения) (Plenarprotokoll... 2019, 39).

Представитель партии Левых Нима Мовассат открыто критикует позицию оппонентов — ХДС/ХСС. Использованная автором высказывания форма — модальная конструкция в прошедшем времени (*es sollte um Inhalte gehen*) — показывает, что ожидания Н. Мовассат относительно содержания законопроекта оппонентов не оправдались. Политик также использует уничижительное причастие-атрибут *borniert*. Критику усиливает в данном случае также модально-временное наречие *endlich*.

Пример политической интолерантности присутствует также в речи депутата АдГ, доктора Кристиана Вирта:

*Aber bitte, liebe GroKo: Sie können **doch niemandem** erzählen, dass dieser Antrag mehr als **panisches Flickwerk** oder sogar **alibimäßiges Übersprungshandeln** ist* (Но прошу вас, уважаемая Большая коалиция: вы ведь не можете никому сказать, что эта просьба — нечто большее, чем в панике сделанная халтура или даже попытка создать себе алиби) (Plenarprotokoll... 2019, 72).

При помощи субстантивной метафоры *Flickwerk* с эмоционально-оценочным эпитетом *panisch* и уточнения в виде словосочетания из судебной сферы *alibimäßiges Übersprungshandeln* политик дискредитирует политических оппонентов, обвиняя их в недобросовестной работе над выдвигаемым предложением *Antrag*.

Нередко в текстах выступлений политиков присутствует завуалированная критика в адрес оппонентов, как в следующем примере: *Aber dieses **ungute Sicherheitsgefühl** wird ja erst durch **Populisten** geschaffen*. Хотя депутат Н. Мовассат (Левые) не называет напрямую, к кому относится его критика, выраженная прилагательным *ungut*, однако из его выступления зрителю становится понятно, что под популистами автор

высказывания подразумевает партии — оппонентов в данном вопросе — ХДС/ХСС и АДФ.

Таким образом, если первый критерий анализа показал, что все названные политики опираются в своих выступлениях на ценности немецкого общества, связанные с толерантностью, то результаты анализа по второму критерию позволяют утверждать, что по отношению к партиям-оппонентам политики могут проявлять в межличностной коммуникации политическую интолерантность.

Третий критерий оценивания аспекта «толерантность/интолерантность» речевого поведения политика — вид реакции политического лица на конфликтогенные речевые ситуации. Решающую роль в данном случае играет прежде всего темперамент политика. Так, например, депутат партии Зеленых Ренате Кюнаст, выступление которой на тему *Forum Recht* содержало множество маркеров толерантности и не включало ни открытой, ни скрытой критики в адрес политических оппонентов, в конфликтогенных ситуациях общения склонна реагировать на речевые действия собеседников эмоционально. В тексте пленарного заседания многочисленны примеры случаев реакции Р. Кюнаст на реплики оппонентов. Как правило, депутат Зеленых использует в своей речи довольно часто иронические и саркастические высказывания. Так, например, на выступление Йенса Кёппена, представителя ХДС/ХСС, посвященное проблеме защиты окружающей среды, Р. Кюнаст реагирует саркастически, переворачивая слова оппонента:

Jens Koeppen (CDU/CSU): *Müssen sie Gurken kaufen, die doppelt eingeschweißt sind? Müssen sie Lebensmittel verschwenden? Können sie nicht vielleicht bewusster einkaufen? (Должны ли они покупать огурцы в двойной вакуумной упаковке? Должны ли они переводить продукты? Разве не могут они делать покупки более сознательно?)*

Renate Künast (BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN): *Sollen wir uns jetzt noch um Ihre Wurst kümmern? (Нам теперь нужно еще и о Вашей колбасе заботиться?)*

Renate Künast (BÜNDNIS 90/DIEGRÜNEN): *Ich habe "Gurken" behalten! (Я запомнила «огурцы»!) (Plenarprotokoll... 2019, 108).*

Депутат партии АДФ К. Вирт, выступление которого содержало открытую критику в адрес правящей коалиции, в отличие от Р. Кюнаст, не склонен как-либо реагировать на чужие высказывания (в тексте проанализированного про-

токола нет примеров его комментариев по поводу высказываний оппонентов).

Другим примером реакции на конфликты с оппонентами можно считать речевое поведение Вильфреда Оллерса, депутата ХДС/ХСС. Так, в отличие от депутата Зеленых, склонной к иронии, в текстах комментариев В. Оллерса найдены примеры эмоциональной реакции на собеседника: *Nein, das ist falsch! Da widerspreche ich ausdrücklich! Erzählen Sie doch nicht so einen Mist! (Нет, это неправильно! Я категорически не согласен! Не несите чушь!)* Прилагательное-предикатив *falsch* в первом предложении, а также модальное наречие *ausdrücklich* во втором и разговорная конструкция *Mist erzählen* с императивной семантикой в третьем выражают эмоционально-оценочную экспрессию и категоричность оценок и мнений автора высказывания.

Толерантность и интолерантность как параметры изучения языковой личности политика связаны, на наш взгляд, в большей степени с темпераментом личности, как, например, в случае Р. Кюнаст, которой, согласно результатам нашего анализа, свойственны экспрессивные реакции на различные темы выступлений и дискуссии. С другой стороны, можно утверждать, что интолерантность и речевая агрессия зачастую проявляются в межличностном политическом общении в ответ на критику со стороны оппонента. Поэтому при исследовании толерантности как параметра языковой личности политика всегда нужно учитывать общественно-политический контекст ситуации проявления толерантной установки.

Толерантность как коммуникативная норма политического общения

Еще один возможный аспект исследования толерантности в межличностной коммуникации политиков — это толерантность как коммуникативная норма политического речевого общения. Как уже было сказано ранее, одной из отличительных особенностей политической межличностной коммуникации можно считать ее конвенциональный характер. Когда говорится о толерантности как коммуникативно-речевой норме политического речевого общения, возникает вопрос о разграничении таких смежных понятий, как толерантность и политическая корректность. Данный вопрос подробно рассмотрен в исследовании Т. В. Романовой, которая полагает, что данные термины не тождественны. Термин «толерантность» обозначает, по мнению исследователя, социальную установ-

ку на определенное поведение, а «политкорректность» наряду с вежливостью и тактичностью — форму речевого поведения (Романова 2015, 49), с чем нельзя не согласиться.

Толерантность как коммуникативная норма политического речевого общения реализуется в текстах политических заседаний в Бундестаге в первую очередь при помощи использования средств вежливости. Сюда можно отнести, например, общепринятые вежливые обращения: (1) обращения к президенту и вице-президенту, ведущим заседание: *sehr geehrter Herr Präsident, Herr Präsident, Werter Herr Präsident*; (2) обращения к коллегам — представителям партий: *verehrte Kolleginnen und Kollegen, liebe Kolleginnen und Kollegen, Werte Kollegen, sehr geehrte Abgeordnete*; (3) обращения к гостям: *Sehr geehrte Damen und Herren auf der Besuchertribüne, meine Damen und Herren, Liebe Bürger der 28 Nationen in der Europäischen Union, liebe Gäste*.

Другой способ вербализации межличностной толерантности в политическом общении — это включение в высказывание языковых средств выражения согласия. Здесь можно выделить две смысловые группы: (1) согласие как солидарность с социально-политическими взглядами «другого» (например, *richtigerweise, zustimmen*); (2) мнимое согласие как метод (скрытой) дискредитации оппонента.

Анализ примеров позволяет утверждать, что при помощи средств вежливости и политкорректности политики нередко инсценируют толерантность с целью манипулирования. Данный вывод подтверждают и исследования из области психологии: Н. К. Бахарева, основываясь на исследовании межличностной толерантности студентов высших учебных заведений, пишет о трех видах межличностной толерантности: осознанное толерантное отношение; «квазитолерантность», или неосознанное толерантное отношение; и «псевдотолерантность», т. е. внешнее изображение толерантности в корыстных целях (Бахарева 2004, 17).

Примером инсценированной толерантности при помощи мнимого согласия служит высказывание Р. Кюнаст:

Renate Künast (BÜNDNIS 90/DIEGRÜNEN):
Natürlich dürfen Sie eine Meinung haben, Herr Brandner; aber das heißt nicht, dass Sie die dritte

Gewalt derartig runtermachen dürfen (Конечно, у Вас может быть мнение, господин Бранднер; но это не значит, что Вы можете таким образом отказаться от третьей инстанции) (Plenarprotokoll... 2019, 41).

С одной стороны, автор высказывания соглашается с оппонентом, с другой стороны, Р. Кюнаст старается его дискредитировать.

К другим средствам проявления толерантности как обязательной нормы политического речевого общения можно отнести языковые единицы, выражающие **субъективность мнения адресанта**: (1) предложения от 1-го лица с глаголами, означающими умственную деятельность (*ich denke, ich meine, ich finde, ich halte, ich verstehe*); (2) конструкции с существительными, выражающими мнение (*ich bin der Meinung, meiner Meinung nach, aus meiner Sicht, aus unserer Sicht, aus unserer Einschätzung, meiner Ansicht nach, unsere Stellungnahme*), модальные глаголы (в первую очередь *können*); (3) наречия, выражающие возможность, неуверенность, предположение (*vielleicht, wahrscheinlich, möglich, möglicherweise*).

Выводы

Итак, межличностная толерантность — это и персональная характеристика личности, и важный параметр ее речевого поведения в условиях политической коммуникации, которые заключаются в установке на бесконфликтное поведение и подавление внутренней агрессии. На проявление толерантности в политическом общении оказывает влияние ряд экстралингвистических факторов: ситуация общения (общение с целью сбора информации или «работа на публику»), отношение к собеседнику (различная реакция на представителей своей партии, партии-союзника или партии-оппонента), темперамент политика (эмоциональность реакций на конфликтные речевые ситуации). Среди средств вербализации толерантности в межличностной политической коммуникации следует особо выделить слова и выражения с семантикой свободы, справедливости, общности, а также языковые маркеры вежливости, согласия, эмпатии.

Литература

Бахарева, Н. К. (2004) *Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук*. Хабаровск, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 22 с.

- Капустина, Н. Г. (2008) *Психологические особенности формирования толерантности в структуре мировоззрения на ранних этапах онтогенеза*. Шадринск: Шадринский Дом печати, 227 с.
- Костюшина, Е. В. (2017) Толерантность как характеристика самоактуализирующейся личности. В кн.: *Материалы VIII Всероссийской научно-практической Интернет-конференции «Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы» (3 ноября 2017 г.)*. Тамбов: Тамбовский государственный институт им. Г. Р. Державина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/8-prep-vysshey-shkoly/2/kostushina.pdf> (дата обращения 21.04.2020).
- Романова, Т. В. (2015) Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект). *Политическая лингвистика*, № 2 (52), с. 39–49.
- Селюкова, Е. А., Фокина, М. Н. (2013) Воспитание толерантных взаимоотношений в школе. В кн.: *Актуальные вопросы современной педагогики. Материалы III Международной научной конференции (20–23 марта 2013 г.)*. Уфа: Лето, с. 103–105.
- Спицына, О. А. (2005) К вопросу о структуре межличностной толерантности. В кн.: В. Н. Малиновская (ред.). *Психолого-педагогические аспекты проблемы качества образования в системе общей и профессиональной школы: сборник научных материалов четвертой окружной научно-практической конференции «Знаменские чтения»: в 2 ч. Ч. 1*. Сургут: Наука и педагогика, с. 213–220.
- Сухих, Е. С. (2005) Толерантность: психологическое содержание и личностные факторы. *Человек. Сообщество. Управление*, № 4, с. 66–77.
- Тимофеева, В. А. (2010) Толерантность личности как важнейший фактор взаимной адаптации студентов в поликультурной образовательной среде. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, № 1, с. 94–97.
- Smith, M. B. (1968) Attitude change. In: D. Sills (ed). *International encyclopedia of the social sciences. Vol. 4*. New York: Crowell Collier and MacMillan Publ., pp. 220–253.

Sources

- Plenarprotokoll: Stenografischer Bericht. 87. Sitzung. Berlin, Freitag, den 15. März 2019*. (2019) Deutscher Bundestag. [Online]. Available at: <https://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/19/19087.pdf> (accessed 20.04.2020). (In German)
- Ausschussprotokolle. Stenografische Berichte. Wortprotokoll der 60. Sitzung*. (2019) Deutscher Bundestag. [Online]. Available at: <https://www.bundestag.de/resource/blob/661350/0f97868e4c519c1acd8c840720448ea4/Wortprotokoll-data.pdf> (accessed 20.04.2020). (In German)

References

- Bakhareva, N. K. (2004) *Subjektivnoe blagopoluchie kak sistemoobrazuyushchij faktor tolerantnosti [Subjective well-being as a system-forming factor of tolerance]. Extended abstract of PhD dissertation (Psychology)*. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University, 22 p. (In Russian)
- Капустина, Н. Г. (2008) *Psikhologicheskie osobennosti formirovaniya tolerantnosti v strukture mirovozzreniya na rannikh etapakh ontogeneza [Psychological features of tolerance formation in the structure of worldview at the early stages of ontogenesis]*. Shadrinsk: Lufia Printing house, 227 p. (In Russian)
- Kostyushina, E. V. (2017) Tolerantnost' kak kharakteristika samoaktualiziruyushcheysya lichnosti [Tolerance as a characteristic of self-actualizing personality]. In: *Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii "Prepodavatel' vysshey shkoly: traditsii, problemy, perspektivy" (3 noyabrya 2017 g.) [Proceedings of the 8th Russian scientific and practical Internet conference "High school teacher: Traditions, problems, prospects" (3 November, 2017)]*. Tambov: Derzhavin Tambov State University. [Online]. Available at: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2017/8-prep-vysshey-shkoly/2/kostushina.pdf> (accessed 21.04.2020). (In Russian)
- Romanova, T. V. (2015) Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskij obzor sovremennogo sostoyaniya problemy (lingvisticheskii aspekt) [Tolerance and political correctness: Analytical review of the current state of the problem (linguistic aspect)]. *Politicheskaya lingvistika — Political Linguistics*, no. 2, pp. 39–49. (In Russian)
- Selyukova, E. A., Fokina, M. N. (2013) Vospitanie tolerantnykh vzaimootnoshenij v shkole [Education of tolerant relationships in the school]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj pedagogiki. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (20–23 marta 2013 g.) [Topical issues of modern pedagogy. Proceedings of the 3rd International conference (20–23 March, 2013)]*. Ufa: Leto Publ., pp. 103–105. (In Russian)
- Smith, M. B. (1968) Attitude change. In: D. Sills (ed). *International encyclopedia of the social sciences. Vol. 4*. New York: Crowell Collier and MacMillan Publ., pp. 220–253. (In English)
- Spitsyna, O. A. (2005) K voprosu o strukture mezhlichnostnoi tolerantnosti [On the structure of interpersonal tolerance]. In: V. N. Malinovskaya (ed.). *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty problemy kachestva obrazovaniya v sisteme obshchej i professional'noj shkoly: sbornik nauchnykh materialov chetvertoj okružhnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Znamenskie chteniya" [Psychological and pedagogical aspects of the problem of quality of education in the system of general and professional schools: Collection of scientific materials of the 4th District*

- scientific practical conference "Znamenskie readings"]*: In 2 parts. Pt 1. Surgut: Nauka i pedagogika Publ., pp. 213–220. (In Russian)
- Sukhikh, E. S. (2005) Tolerantnost': psikhologicheskoe sodержanie i lichnostnye factory [Tolerance: Psychological content and personal factors]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie — Human. Community. Management*, no. 4, pp. 66–77. (In Russian)
- Timofejcheva, V. A. (2010) Tolerantnost' lichnosti kak vazhneishij faktor vzaimnoi adaptatsii studentov v polikul'turnoj obrazovatel'noi srede [Tolerance of the person as the major factor of mutual adaptation of students in the polycultural educational environment]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: psikhologiya i pedagogika — RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, no. 1, pp. 94–97. (In Russian)

К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов

О. В. Рябуха ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ольга Владимировна Рябуха,
SPIN-код: 8208-1004,
ORCID: 0000-0002-4834-5812,
ResearcherID: X-1373-2019,
e-mail: starlight533@mail.ru

Для цитирования:

Рябуха, О. В.
(2020) К вопросу типологии
и интерпретации медиатекстов.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 2, № 2, с. 72–80.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-72-80

Получена 4 апреля 2020; прошла
рецензирование 1 июля 2020;
принята 12 августа 2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья посвящена медиатексту, его интерпретации и типологии. Благодаря резко возросшему интересу к различным текстам, размещенным в электронном формате, и перевороту, произошедшему в сфере информации в связи с распространением Интернета, медиатексты завладели вниманием широкой аудитории читателей. Лингвисты по всему миру уделяют пристальное внимание особенностям создания медиатекста. Данная работа опирается на идеи Р. Фаулера, Д. Кристала и Т. Г. Добросклонской и подчеркивает преобладание функции воздействия и убеждения над информативной. Автор медиатекста ставит своей целью убедить читателя в собственной точке зрения, склоняя его к определенной позиции и нередко навязывая близкие ему убеждения. Роль невербальных элементов (аудиальных, визуальных и пр.) и их взаимосвязь с вербальными компонентами также рассматривается в данной статье. Наличие медийных элементов придает медиатексту черты объемности и многослойности. Медиатексты включают в себя не только газетные и журнальные статьи, колонки редактора и передовицы, но также новостные репортажи, теле- и радиопередачи, ток-шоу, рекламные тексты, политические и бизнес-речи, сообщения и комментарии в социальных сетях, блоги и пр. Принимая во внимание разнообразие медиажанров, представляется важным провести определенный типологический анализ медиатекстов. В рамках данной статьи выделяются следующие типы медиатекстов: авторские и коллегияльные; устные и письменные; тексты, размещенные в печатных изданиях / на радио / по телевидению / в Интернете; журналистские/рекламные/PR-тексты; рассчитанные на широкую читательскую аудиторию и специализированные; креолизованные и некреолизованные; тексты, обладающие различными тематическими доминантами.

Интерпретация медиатекстов предполагает умение распознать авторскую позицию по отношению к излагаемым событиям и ту мысль, которую он пытается донести до читателя. В зависимости от степени субъективности автора реальность, отображаемая в медиатексте, может представляться относительно объективно или же представлять собой искусственную реконструкцию реальности, опирающуюся на необоснованные и сомнительные заключения, ставящая своей целью исказить информацию, доносимую до читателя.

Ключевые слова: медиатекст, медиалингвистика, лингвистическая манипуляция, типология, интерпретация медиатекста.

On the issue of mediatexts typology and interpretation

O. V. Ryabukha ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Olga V. Ryabukha,
SPIN: 8208-1004,
ORCID: 0000-0002-4834-5812,
ResearcherID: X-1373-2019,
e-mail: starlight533@mail.ru

For citation:

Ryabukha, O. V.
(2020) On the issue of mediatexts
typology and interpretation.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 72–80.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-72-80

Received 4 April 2020;
reviewed 1 July 2020;
accepted 12 August 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. This article is devoted to the notion and typology of mediatexts and their interpretation. With the plummeting interest in various types of e-texts and the communication upheaval caused by the Internet, mediatexts have captured the attention of a wide audience of readers. Linguists worldwide are paying close attention to the specifics of mediatext construction. This paper follows the ideas of R. Fowler, D. Crystal and T. G. Dobrosklonskaya and emphasizes the function of persuasion that prevails over informative function of mediatexts. The role of non-verbal elements (audio, visual etc.) and their interconnection with the verbal elements is also mentioned in the article.

The mediatexts discussed in this work include not only newspaper and magazine articles, editorials and features, but also news reports, TV and radio programmes, talk-shows, advertisements, political, business etc. talks, posts and social media comments, blogs etc. Taking into account the abundance of media genres it seems important to present a certain categorization of mediatexts. This article differentiates the following types: texts created by one author vs. a whole team of authors, oral vs. written texts, printed/radio/television/Internet texts, journalist/advertising/PR-text, mass communication vs. specialized text, creolized vs. non-creolized text, thematically driven variety of texts.

Interpreting mediatexts can be perceived as an exciting undertaking that involves reading between the lines to see the author's perspective and the message that it brings across to the audience. Depending on how subjective the author is, the reality depicted in the text can aim at its relatively objective representation or can offer its reconstruction based on far-fetched and misleading conclusions that set the goal of misinforming the reader.

Keywords: media text, media linguistics, linguistic manipulation, typology, media text interpretation.

Термин «медиа́текст». Отражение экстралингвистических компонентов в медиа́тексте

Терминологический аспект

Термин «медиа́текст», который возник в конце XX века и быстро обрел популярность в кругах лингвистов и журналистов, может быть рассмотрен как дискретная единица медиапотока. С развитием Интернета и возрастающей диверсификацией СМИ исследователи все чаще обращались к вопросам изучения текста в сфере массовой коммуникации.

Самому термину посвящены сотни работ; фиксации и анализу коммуникационных практик в сфере медиа уделяется огромное внимание. Емкое и достаточное точное определение медиа́текста предложено М. Ю. Казак, трактующей его как «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий

принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» (Казак 2012, 323). Проводятся многочисленные исследования, посвященные складывающейся терминологии. Наряду с термином «медиа́текст» ключевую роль играют такие смежные понятия, как «медиа́дискурс», «медиа́речь» и «медиа́жанр». М. Ю. Казак рассматривает медиа́текст «в качестве родового по отношению к серии традиционных и новых обозначений: публицистический текст, газетный текст, радио- и телетекст, сетевой текст, гипертекст, рекламный текст и т. п.» (Казак 2014, 65).

Репрезентация социальных реалий в медиа́тексте

Большое внимание вопросам медиа́текста уделяли Мартин Монтгомери (Montgomery 1986), Алан Белл (Bell 1991), Норман Фейерклаф (Fairclough 1989), Роберт Фаулер (Fowler 1991), Дэвид Кристал (Crystal 2006). Медиа́текст изучался ими с точки зрения функциональной

стилистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, теории дискурса и контент-анализа. В рамках функциональной стилистики главным образом необходимо определить положение медиатекста как жанрово-стилистического единства, его позицию относительно других функциональных стилей, разграничение различных типов медиатекстов, влияние экстралингвистических реалий на медиатекст, роль технологий в создании медиатекстов.

Другим актуальным вопросом является формирование представления о мире посредством новостного текста. События, разворачивающиеся на определенной социополитической арене, могут считаться ценными с точки зрения СМИ или же быть упущенными из виду как имеющие низкую релевантность для круга интереса данного издания. Только некоторые события попадают на страницы газет, в теле- или радиоэфир, становятся темой для обсуждения на различных форумах, в чатах, блогах, многое же остается за кадром. Тем самым процесс фильтрации событий с их разделением на значимые/незначимые для данного медиаисточника или информационной платформы репрезентирует лишь определенную часть концептуальной картины мира. Различные медиаисточники также расходятся как в плане содержания, так и по типам представления отобранных для освещения злободневных вопросов. У разных изданий и информационных платформ есть своя специфика и своя целевая аудитория, следовательно, спектр излагаемых событий сильно отличается, равно как и точка зрения, с которой происходит подача информации.

Как пишет Р. Фаулер, новости создаются социальными реалиями. Но то, какие события выбираются для освещения, является не отражением свойственной этим событиям важности, а скорее отражением функционирования сложного и искусственного набора критериев отбора. Затем новости, которые были таким образом отобраны, подлежат трансформации в процессе подготовки к публикации; технические свойства СМИ — телевидения или печатного издания, например, — и способы их применения обладают при этом огромным влиянием. И отбор, и трансформация управляются, чаще неосознанно, взглядами и убеждениями людей, создающих медиатекст. Анализ опубликованного материала может отражать абстрактные пропозиции, которые не обязательно выражены напрямую и обычно не подвергаются сомнению, но определяют структуру представляемой информации (Fowler 1991, 2).

«Новости являются репрезентацией мира в языке; поскольку язык представляет собой семиотический код, он навязывает определенную структуру ценностей социального и экономического происхождения, вне зависимости от того, что репрезентируется; и новости, таким образом, как любой дискурс, моделируют то, о чем сообщают. Новости являются репрезентацией именно в этом смысле; это не отражение фактов, лишенное ценностного компонента» (Fowler 1991, 4). Р. Фаулер подчеркивает, что выбор слов, синтаксических конструкций имеет свои причины. Всегда существуют разные способы выразить одну и ту же мысль, и это не случайные альтернативные способы выражения. Различия между ними носят идеологический характер (Fowler 1991, 4).

Переплетение вербальных и невербальных элементов в медиатексте

Среди российских ученых, посвятивших свои труды проблемам медиатекста, необходимо выделить труды С. И. Бернштейна (Бернштейн 1977), Н. С. Болотновой (Болотнова 2019), Т. Г. Добросклонской (Добросклонская 2008), В. Г. Костомарова (Костомаров 1971), Б. В. Кривенко (Кривенко 1993), И. П. Лысаковой (Лысакова 2005), Г. Я. Солганика (Солганик 1981; 2005), которые внесли значительный вклад в развитие медиалингвистики.

Медиатекст существует в рамках социально-политического и культурно-исторического контекста, что позволяет говорить о тесном переплетении вербальных и невербальных элементов. Медиатекст также сочетает в себе элементы вербальные и медийные, что придает ему черты объемности и многослойности. В печатных изданиях вербальная информация дополняется графической, в радиопередачах — аудио-рядом и музыкальным фоном. Телепередачи могут объединить в себе вербальные, визуальные и звуковые компоненты. Их соотношение и взаимосвязь значительно варьируются, и каждый из этих компонентов может выступать в главенствующей или второстепенной роли, усиливать или выделять друг друга, выступать в роли контрастного элемента, иллюстрировать рассматриваемую в тексте проблематику. Но при любом из вышеупомянутых случаев взаимодействия они представляют собой целостное объемное и неразрывное объединение.

Типологическое описание медиатекстов

По способу производства текста можно выделить авторский и коллегиальный медиатекст. Авторский принадлежит одному человеку, содержит упоминание настоящего имени создателя текста или же его творческого псевдонима. В случае с текстами социальных сетей это также может быть псевдоним, придуманный автором при регистрации на определенной информационной платформе. Автор может иметь как единый псевдоним во всех социальных сетях, в которых он зарегистрирован, так и несколько различных, что поднимает вопрос авторской идентичности текста. Коллегиальный текст принадлежит целому коллективу авторов или же издательству, позиционирующему себя как единый коллектив с определенным социополитическим мировоззрением. В последнем случае установление авторства текста может представляться трудновыполнимой задачей, так как оно будет принадлежать информационному агентству в целом; если говорить об американских и британских изданиях и каналах, это чаще всего Reuters и AP, CNN и BBC.

По форме создания тексты разделяются на устный и письменный. Форма создания может совпадать с формой воспроизведения, но этот параметр может быть в ряде случаев изменен. Для наглядности можно представить интервью, записываемое журналистом в устной форме, но в зависимости от канала распространения данный текст может быть представлен как устный, в рамках теле- или радиопередачи, и как письменный, если он впоследствии будет напечатан в журнале, газете или в Интернет-пространстве. Группы, в которых участники обмениваются сообщениями, чаты, форумы представляют собой смешение свойств устной и письменной речи, с преобладанием тех или иных характеристик в зависимости от того, является данный чат или форум синхроничным или асинхронным.

По каналу распространения правомерным представляется выделить такие средства массовой информации, как печатные издания, радио, телевидение и Интернет. Канал распространения накладывает определенные специфические форматообразующие свойства на создаваемый текст.

По институциональному типу можно выделить журналистский, рекламный, PR-тексты. Помимо медиатекстов, создаваемых профессионалами в области журналистики и рекламы и доступных широким массам, следует выделить также медиатексты, создаваемые отдельными

людьми для себя или узкой целевой аудитории и изначально не предназначенные для широкой публики. Однако эти тексты могут впоследствии завладеть вниманием широкого круга читателей и составить конкуренцию привычным информационным агентствам.

По степени вовлеченности невербальных компонентов в построение медиатекста вслед за Н. С. Валгиной выделим креолизованные и некреолизованные тексты, а также тексты с частичной креолизацией. «Сочетание вербальных и невербальных, изобразительных средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст» (Валгина, 2003, 192). К текстам с частичной креолизацией принадлежат такие, у которых «вербальные и иконические компоненты вступают в автосемантические отношения, когда вербальная часть сравнительно автономна и изобразительные элементы текста оказываются факультативными» (Валгина 2003, 193). К текстам же с полной креолизацией отнесены тексты, в которых «между вербальными и иконическими компонентами устанавливаются синсемантические отношения: вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда» (Валгина 2003, 193).

В. Е. Чернявская вслед за такими учеными, как В. Хайнеманн, М. Хоффман, К. Адамзик, для описания текстов, для которых характерно смешение лингвистических и нелингвистических компонентов, предлагает использовать термин «коммуникат», который она определяет как «многоуровневый полимедиаальный продукт коммуникативной деятельности, вербальное и/или невербальное знаковое множество» (Чернявская 2013, 59). От коррелирующего с ним термина «креолизация», уже используемого в лингвистике для обозначения смешения разных языков, их лексики и грамматического строя, предлагается отказаться во избежание двусмысленности. В качестве более точного и предпочтительного термина В. Е. Чернявская рассматривает «поликодовый текст», который «обращает внимание на текстуальный характер обозначенного явления, его содержательно-смысловую целостность, что уходит на задний план при использовании термина «коммуникат»». Итак, использование термина «поликодовый текст» представляется целесообразным и органичным при обозначении текста как когерентного целого, слагаемого из нескольких семиотических кодов (Чернявская 2013, 62).

В зависимости от целевой аудитории медиатекст может быть массовым, т. е. рассчитанным на широкую читательскую аудиторию, или же специализированным.

Необходимо также учитывать тематическую доминанту текста. Семантически обусловленный подход придает определенную смысловую направленность всему тексту и влияет на прочтение отдельно взятых слов, которые неизбежно интерпретируются с учетом семантических приращений, обретаемых в рамках данного контекста.

При анализе медиатекста Т. Г. Добросклонская предлагает выделить следующие существенные параметры:

- 1) Способ производства текста (авторский — коллегиальный).
- 2) Форма создания (устная — письменная).
- 3) Форма воспроизведения (устная — письменная).
- 4) Канал распространения (средство массовой информации — носитель: печать, радио, телевидение, Интернет).
- 5) Функционально-жанровый тип текста (новости, комментарии, публицистика (features), реклама).
- 6) Тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику (Добросклонская 2008, 40).

Тексты средств массовой информации выполняют разнообразные коммуникативные функции: информативную, оценочную, функцию воздействия. Содержательная характеристика текста также играет значительную роль в его типологической характеристике. Работы, посвященные определенной регулярно освещаемой данными СМИ проблематике, составляют его медиаконтент. Тесная взаимосвязь злободневных для данного социума вопросов и их отображение в текстах СМИ, двусторонний процесс взаимовлияния медиатекстов или экстралингвистических реалий является ярким примером неразрывной связи концептуальной и языковой картин мира представителя определенного социокультурного сообщества.

Интерпретация медиатекстов

Динамичность жанра

Медиатекст на сегодняшний момент является наиболее динамичным жанром, характеризующимся многочисленным разнообразием медиалингвистического материала. Дэвид Кристал в своей работе «Язык и Интернет», переизданной в 2006 году, поднимает вопросы о роли языка в Интернете и влиянии Интернета на язык. Именно благодаря его книге от 2001 г. в западной лингвистике возник термин «медиа-интернет-лингвистики», который не обрел

пока популярность, но его русский эквивалент закрепился в современной филологии и положил начало новому направлению в развитии лингвистики.

Задаваясь вопросом, является ли Интернет гомогенной электронной средой использования языка, Д. Кристал отрицает ее однородность, что, в свою очередь, затрагивает проблему наличия лингвистических разновидностей текстов и критериев, применимых для их разграничения. Говоря о письменном тексте, Д. Кристал выделяет пять важных стилистических особенностей: графическую (визуальная подача материала), орфографическую, грамматическую, лексическую и дискурсивную (структурная организация текста). Также важны фонетические и фонологические характеристики устной речи, которые с учетом технического прогресса усиливают важность речепроизводства и восприятия речи (Crystal 2006, 10).

Медиатекст обладает разноплановой жанровой спецификой, объединяя в себе газетные журнальные статьи, статьи редактора, передовицы, информационные аналитические материалы, репортажи, телевизионные новости, радиопередачи, телевизионные ток-шоу, рекламу, речи, опубликованные или освещенные СМИ, посты и комментарии в социальных сетях, блоги и т. п.

Медиатекст как отражение когнитивной деятельности

Медиатекст представляет значительный интерес для когнитивной лингвистики в связи с тесной взаимосвязью языковой и концептуальной картинами мира, что явно прослеживается в данных типах текста.

Как справедливо отмечает В. Е. Чернявская, «на современном этапе человеческого познания и практики существенна зависимость ментального и медиального аспектов смыслопорождения, значимость материального формата для выражения ментального содержания, если понимать последнее широко как мысли, мнения, оценки, эмоции, намерения, мотивы и др., т. е. рациональное в связи с аффективно-чувственным началом. Избранный канал, в котором материализуются интенционально заданные смыслы, создает различные рамочные условия для когнитивной активности при порождении и восприятии сообщения. Медиальный формат существен для формообразования. В свою очередь, форма, т. е. организация поверхностного уровня, не следует зеркально за содержательно-смысловым уровнем, не параллельна ему в каждой ситуации. Игра с формой, нарушение ее однородности, каноничности

становится самостоятельным средством выразительности сообщения, когнитивно значимым для адресата» (Чернявская 2013, 175).

Анализ тематического контекста современных медиатекстов позволяет через язык проследить формирование концептуальной картины мира современного человека и рассмотреть отражение когнитивной деятельности в языке. Отражение когнитивной деятельности вряд ли можно назвать объективным, так как несмотря на то, что информационная функция считается доминирующей для медиатекстов, в реальности функция воздействия часто превалирует над ней.

Свобода интерпретации медиатекста

Интерпретация медиатекстов — сложный и увлекательный процесс, затрагивающий целый ряд вопросов. Читатель медиатекста в процессе ознакомления пытается увидеть и осознать темы, идеи, послания, зашифрованные автором. Автор медиатекста ставит своей целью убедить аудиторию в правильности собственной точки зрения, склоняя принять близкую ему позицию и разделить его убеждения. В ряде случаев медиатекст может также побуждать своих читателей к совершению определенных действий.

«Проблема убеждающего эффекта и воздействия потенциала медиатекста обнаруживает дуалистический характер на разных уровнях организации смыслового пространства текста: на уровне аргументации — в апелляции к рациональной сфере верифицированных фактов и иррациональной сфере эмоционально-оценочных маркеров; на уровне смысловой организации — в четкости, лаконичности, сегментированности смыслового ядра, с одной стороны, и расширении смыслового поля за счет метафоризации и включения прецедентных текстов — с другой; на уровне риторической модальности — в критико-аналитическом и эмоционально-личностном началах, органично сопresentствующих в тексте» (Панова 2019).

Рассмотрим на основании трех статей, насколько по-разному одно и то же событие интерпретируется авторами. Во многом это зависит от личной позиции самого автора и от того издания, в котором печатается данная статья. Издания имеют свою аудиторию, придерживающуюся определенных убеждений, взглядов на политические и финансовые вопросы; и статьи, появляющиеся на печатных и веб-страницах этих газет, как правило, коррелируют с настроениями своих читателей.

Принятое в конце прошлого десятилетия решение отказаться от запрета на возведение любых построек и жилых помещений, кроме отдельно стоящих домов для одной семьи, которое действовало в США на протяжении длительного времени на большей части территорий, вызвало противоречивый отклик у разных слоев общества. The New York Times в своей статье «Cities start to question an American ideal: A house with a yard on every lot» подвергают жесткой критике такое решение. Отдельный дом для каждой американской семьи является для них идеалом, американской мечтой. Это подчеркивается авторами при включении словосочетания «American ideal» в заголовок статьи и при апелляции к религии посредством сравнения существовавшего закона на строительство домов для одной семьи с проповедуемыми взглядами на семейную жизнь, словно внесенными в само Евангелие. «Single-family zoning is practically gospel in America, embraced by homeowners and local governments to protect neighborhoods of tidy houses from denser development nearby» (Badger, Bui 2019). Далее авторы статьи говорят о действиях чиновников, стремящихся поменять существующее положение, метафорично называя их намерения еретическими («heretical moves»). Даже вне существующего контекста этот эпитет наделяется резко отрицательной коннотацией, а в противовес интертекстуальному включению в предыдущем предложении, отсылающем читателя к Священному Писанию, он вызывает вдвойне негативные эмоции. В следующем абзаце данной статьи авторы приводят альтернативную точку зрения, предваряя ее оборотом «как говорят они / they say», тем самым дистанцируя указанную позицию от авторской. Далее неприемлемая для авторов точка зрения тут же опровергается двумя аргументами о снижении уровня жизни, стоимости имеющего у американцев жилья и пугающим, но нужно отметить, необоснованным преувеличением о стремлении снести бульдозером построенные микрорайоны:

A reckoning with single-family zoning is necessary, they say, amid mounting crises over housing affordability, racial inequality and climate change. But take these laws away, many homeowners fear, and their property values and quality of life will suffer. The changes, opponents in Minneapolis have warned, amount to nothing less than an effort to “bulldoze” their neighborhoods (Badger, Bui 2019).

Таким образом, авторы статьи прибегают к широкому разнообразию приемов: определен-

ному структурному построению текста, использованию аллюзий, сравнений, метафор и эмоционально окрашенной лексики, чтобы убедить читателя в правоте собственной точки зрения.

The Washington Post гораздо более лояльна в своем отношении к предлагаемым нововведениям. Несмотря на то, что статья «As cities rethink single-family zoning, traditional ideas of the American Dream are challenged» открывается эмоциональным образом семьи, которая стоит у своего дома в Миннеаполисе, ставшем их родным городом («adopted city»), обеспокоенная будущим обликом своего района, автор старается остаться беспристрастным. Использование в тексте эпитета «adopted», главным образом сочетающегося со словом «ребенок», одновременно вызывает в сознании образ семьи и подчеркивает теплую привязанность к родному дому. Далее автор статьи рассматривает недостатки обсуждаемого решения, описывая волнения и сомнения людей, проживающих в отдельных домах, и переходит к обсуждению тех преимуществ, которые принесет за собой разрешение на возведение дуплексов и других жилых помещений на несколько домов. Статья завершается нейтральным взвешенным выводом о праве потребительского спроса решать, какие дома можно возводить на американской земле:

As our central cities have become more desirable places to live, single-family zoning has acted as an artificial constraint on the market, mandating that neighborhoods stay the same no matter what changes in the economy around them,” he said. “If we’re a capitalist society, then the market should get what it wants (Willis 2019).

The Seattle Times в статье «Rapidly growing Seattle constrains new housing through widespread single-family zoning» поддерживает решение о пересмотре зонирования территорий, ссылаясь на экономически обоснованные причины, такие как доступность жилья, стоимость земли и неравномерный рост города ввиду имеющихся запретов. Аппелляция к статистике («last year 88 percent of the city’s new housing was crowded into dense neighborhoods that make up just 18 percent of the city’s residential land area») (Rosenberg 2018), которая частично выделена жирным шрифтом для особой убедительности, использование карт, графиков и таблиц, включение экономически обоснованных фактов позволяет статье звучать довольно убедительно и объективно. Однако данный текст также не лишен эмоционально окрашенной лексики

и утверждений, позволяющих сделать вывод об интенции автора склонить свою читательскую аудиторию к принятию вносимого правительством решения. «Virtually all of Seattle’s new housing has been crammed into the few parts of town where dense housing like apartment towers are legal. The rest of Seattle is made up of pricey single-family homes» (Rosenberg 2018). Лексические единицы *crammed*, *dense* (в данном контексте), *pricey* негативно окрашены и подчеркивают упоминаемое автором неравенство жителей территорий, на которых распространяется запрет на строительство домов на несколько семей, и территорий, где это разрешено.

На основании различия механизма моделирования отображения реальных событий средствами массовой информации Т. Г. Добросклонская предлагает выделить три основных типа медиапрезентаций, которые условно можно обозначить как отражение, реконструкция, миф (Добросклонская 2008). Применительно к вышепредложенному анализу статей, публикацию в The New York Times можно рассматривать как миф, в The Seattle Times — как реконструкцию, а в The Washington Post — как отражение.

«Отражение предполагает наиболее точное, максимально приближенное к реальности воспроизведение событий. Примером такого типа медиапрезентации могут служить новостные медиатексты, в которых максимально объективно и достоверно освещаются те или иные события, в том числе события политические. Характерным признаком данного типа медиапрезентации на лингвистическом уровне является большое количество цитатной речи, воспроизведение целых фрагментов из речей и выступлений политиков, обязательное наличие ссылок на источник информации и фактическое отсутствие аналитически-комментирующего и оценочного компонентов» (Добросклонская 2008, 56–57).

Безусловно, степень объективности при репрезентации различной информации может сильно варьироваться в разных медиатекстах, как верно подмечает лингвист Т. Г. Добросклонская. Таким образом, представляется обоснованным утверждать, что медиарепрезентация являет собой реконструкцию реальности, предполагающую относительную свободу интерпретации со стороны СМИ, порой настолько ярко выраженную, что это приводит к созданию удаленного от реальности или заведомо ложного образа, искусственно созданного средствами массовой информации.

Литература

- Бернштейн, С. И. (1977) *Язык радио*. М.: Наука, 46 с.
- Болотнова, Н. С. (2019) *Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста*. М.: Флинта, 156 с.
- Валгина, Н. С. (2003) *Теория текста*. М.: Логос, 279 с.
- Добросклонская, Т. Г. (2008) *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. М.: Флинта; Наука, 263 с.
- Казак, М. Ю. (2012) Специфика современного медиатекста. В кн.: Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, В. В. Славкин и др. (ред.). *Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию проф. Г. Я. Солганика*. М.: Флинта; Наука, с. 320–334.
- Казак, М. Ю. (2014) Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии. *Медиалингвистика*, № 1 (4), с. 65–76.
- Костомаров, В. Г. (1971) *Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности современной газетной публицистики*. М.: Изд-во Московского университета, 267 с.
- Кривенко, Б. В. (1993) *Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 136 с.
- Лысакова, И. П. (2005) *Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование*. СПб.: СПбГУ, 255 с.
- Панова, Е. Ю. (2019) Риторизация современного медиапространства как фактор релевантности проблемы риторического кода в медиадискурсе. *Медиалингвистика*, т. 6, № 4, с. 484–495. DOI: 10.21638/spbu22.2019.405
- Солганик, Г. Я. (1981) *Лексика газеты: функциональный аспект*. М.: Высшая школа, 112 с.
- Солганик, Г. Я. (2005) К определению понятий «текст» и «медиатекст». *Вестник Московского университета. Серия 10. «Журналистика»*, № 2, с. 7–16.
- Чернявская, В. Е. (2013) *Текст в медиальном пространстве*. М.: URSS; Либроком, 228 с.
- Шмелёва, Т. В. (2015) Медиалингвистика: терминологический аспект. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, № 4-1 (87), с. 32–35.
- Bell, A. (1991) *The language of the news media*. Oxford: Blackwell Publ., 277 p.
- Crystal, D. (2006) *Language and the Internet*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, xi, 304 p. DOI: 10.1017/CBO9780511487002
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London: Longman Group Ltd, xii, 259 p.
- Fowler, R. (1991) *Language in the news: Discourse and ideology in the press*. London: Routledge Publ., 254 p.
- Montgomery, M. (1986) *An introduction to language and society*. London; New York: Methuen Publ., 211 p.

Sources

- Badger, E., Bui, Q. (2019) Cities start to question an American ideal: A house with a yard on every lot. *The New York Times*, 18 June. [Online]. Available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/06/18/upshot/cities-across-america-question-single-family-zoning.html> (accessed 20.07.2019). (In English)
- Rosenberg, M. (2018) Rapidly growing Seattle constrains new housing through widespread single-family zoning. *The Seattle Times*, 10 May. [Online]. Available at: <https://www.seattletimes.com/business/real-estate/amid-seattles-rapid-growth-most-new-housing-restricted-to-a-few-areas/> (accessed 20.07.2019). (In English)
- Willis, H. (2019) As cities rethink single-family zoning, traditional ideas of the American Dream are challenged. *The Washington Post*, 27 June. [Online]. Available at: https://www.washingtonpost.com/realestate/as-cities-rethink-single-family-zoning-traditional-ideas-of-the-american-dream-are-challenged/2019/06/25/8312a512-4ca3-11e9-93d0-64dbcf38ba41_story.html (accessed 20.07.2019). (In English)

References

- Bell, A. (1991) *The language of the news media*. Oxford: Blackwell Publ., 277 p. (In English)
- Bernstein, S. I. (1977) *Yazyk radio [Radio language]*. Moscow: Nauka Publ., 46 p. (In Russian)
- Bolotnova, N. S. (2019) *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta [Methods of meaning and linguapragmatic analysis of mediatext]*. Moscow: Flinta Publ., 156 p. (In Russian)
- Chernyavskaya, V. E. (2013) *Text v medial'nom prostranstve [Text in medial environment]*. Moscow: URSS Publ.; Librokom Publ., 228 p. (In Russian)
- Crystal, D. (2006) *Language and the Internet*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, xi, 304 p. DOI: 10.1017/CBO9780511487002 (In English)
- Dobrosklonskaya, T. G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyj podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya anglijskaya mediarech' [Media linguistics: A systematic approach to the study of media language: Modern English media speech]*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 236 p. (In Russian)
- Fairclough, N. (1989) *Language and power*. London: Longman Group Ltd, xii, 259 p. (In English)

- Fowler, R. (1991) *Language in the news: Discourse and ideology in the press*. London: Routledge Publ., 254 p. (In English)
- Kazak, M. Yu. (2012) Spetsifika sovremennogo mediateksta [Specifics of contemporary mediatext]. In: G. Ya. Solganik, N. I. Klushina, V. V. Slavkin et al. (eds.). *Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu prof. G. Ya. Solganika [Speech linguistics. Media stylistics: A collective monograph dedicated to the 80th anniversary of prof. G. Ya. Solganik]*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., pp. 320–334. (In Russian)
- Kazak, M. Yu. (2014) Sovremennye mediateksty: problemy identifikatsii, delimitatsii, tipologii [Modern media texts: Issues of identification, delimitation and typology]. *Medialingvistika — Media Linguistics*, no. 1 (4), pp. 65–76. (In Russian)
- Kostomarov, V. G. (1971) *Russkij yazyk na gazetnoj polose: nekotorye osobennosti sovremennoj gazetnoj publitsistiki [Russian newspaper language: Some features of modern newspaper journalism]*. Moscow: Moscow University Publ., 267 p. (In Russian)
- Krivenko, B. V. (1993) *Yazyk massovoj kommunikatsii: leksiko-semioticheskij aspekt [Mass communication language: The lexical and semiotic aspect]*. Voronezh: Voronezh University Publ., 136 p. (In Russian)
- Lysakova, I. P. (2005) *Yazyk gazety i tipologiya pressy. Sotsiolingvisticheskoe issledovanie [Newspaper language and press typology. Sociolinguistic research]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 255 p. (In Russian)
- Montgomery, M. (1986) *An introduction to language and society*. London; New York: Methuen Publ., 211 p. (In English)
- Panova, E. Yu. (2019) Ritorizatsiya sovremennogo mediaprostranstva kak faktor relevantnosti problemy ritoricheskogo koda v mediadiskurse [Rhetorization of modern media space as a factor in the relevance of the rhetorical code problem in media discourse]. *Medialingvistika — Media Linguistics*, vol. 6, no. 4, pp. 484–495. DOI: 10.21638/spbu22.2019.405 (In Russian)
- Solganik, G. Ya. (1981) *Leksika gazety: funktsionalnyj aspekt [Newspaper vocabulary: Functional aspect]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 112 p. (In Russian)
- Solganik, G. Ya. (2005) K opredeleniyu ponyatij “tekst” i “mediatekst” [How to attribute “Text” and “Media text”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 7–15. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2015) Medialingvistika: terminologicheskij aspekt [Media linguistics: Terminological aspect]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo — Vestnik NovSU*, no. 4-1 (87), pp. 32–35. (In Russian)
- Valgina, N. S. (2003) *Teoriya teksta [Text theory]*. Moscow: Logos Publ., 279 p. (In Russian)

Лингвокультурологические особенности романа Дж. Барнса «Шум времени»

Н. А. Урсова^{✉1}, З. М. Чемодурова¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Надежда Александровна Урсова,
SPIN-код: 6767-3803,
ORCID: 0000-0002-9682-114X,
e-mail: urusova308@gmail.com

Зинаида Марковна Чемодурова,
SPIN-код: 6632-2070,
ORCID: 0000-0002-9638-2503,
Scopus AuthorID: 57210828430,
e-mail: zchemodurova@herzen.spb.ru

Для цитирования:

Урсова, Н. А., Чемодурова, З. М.
(2020) Лингвокультурологические
особенности романа Дж. Барнса
«Шум времени». *Исследования
языка и современное
гуманитарное знание*, т. 2, № 2,
с. 81–92.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-81-92

Получена 25 мая 2020; прошла
рецензирование 30 июля 2020;
принята 31 июля 2020.

Права: © Авторы (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лингвостилистических средств моделирования образа России и, в частности, Санкт-Петербурга в англоязычных биофигиональных повествованиях, ставших чрезвычайно востребованными в эпоху постмодернизма. В качестве материала избран текст романа-биофигиона Дж. Барнса «Шум времени» (J. Barnes «The noise of time»), репрезентирующий жизнь выдающегося композитора Д. Д. Шостаковича в Советской России.

В исследовании биофигиона понимается как гибридная жанровая форма, базирующаяся на биографии реального исторического персонажа и сочетающая в своей семантике реальность и вымысел, объективность и субъективность. Появление биофигиональных текстов тесным образом связано с развитием философии постмодернизма во второй половине XX века. Наглядно репрезентируя постмодернистский дискурс, текст биофигиона обладает такими характеристиками, как фрагментарность и хаотичность повествования, разнообразные языковые механизмы выражения интертекстуальности и интердискурсивности, игровая модальность.

Одной из стратегий, используемых авторами биофигиональных текстов для придания правдоподобия своему повествованию, является конструирование инокультурного контекста, отражающего реальные пространственно-временные отношения. Анализ инокультурных элементов в данном исследовании проводится в рамках интерлингвокультурологии и на основе разработанного В. В. Кабакчи метода опосредованного наблюдения и экстраполяции. В статье выявляется специфика англоязычного описания русской культуры в биофигиональном повествовании, представляющая собой результат адаптации английского языка при его вторичной культурной ориентации, особое внимание при этом уделяется используемым лингвистическим маркерам русской культурной локализации текста.

В результате проведенного анализа в статье доказывается, что одной из конститутивных особенностей изучаемого типа текста является намеренная игра в семантическом поле «фактологичность — фикциональность», в ходе которой Барнс искусно создает русский культурный контекст своего англоязычного повествования для придания ему достоверности. С этой целью англоязычный автор вводит в текст транслитерированные заимствования, лексические и семантические кальки, фразеологические обороты и идиоматические выражения, аллюзии на произведения русской художественной литературы и цитаты из прецедентных русских текстов и тщательно воссоздает топонимику Петербурга-Ленинграда. Проведенный в исследовании лингвокультурологический анализ биофигионального повествования представляется релевантным для дальнейшего изучения конститутивных признаков данного типа текста, поскольку позволяет по-новому взглянуть на механизмы создания фактографичности и фикциональности в тексте.

Ключевые слова: биографический текст, биофигиона, образ Петербурга, лингвокультурологический анализ, культуронимы, лингвокультура, инолингвокультурный контекст, Дж. Барнс, «The noise of time».

Linguocultural characteristics of Julian Barnes' "The noise of time"

N. A. Urusova^{✉1}, Z. M. Chemodurova¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Nadezhda A. Urusova,
SPIN: 6767-3803,
ORCID: 0000-0002-9682-114X,
e-mail: urusova308@gmail.com

Zinaida M. Chemodurova,
SPIN: 6632-2070,
ORCID: 0000-0002-9638-2503,
Scopus AuthorID: 57210828430,
e-mail: zchemodurova@herzen.spb.ru

For citation:

Urusova, N. A., Chemodurova, Z. M. (2020) Linguocultural characteristics of Julian Barnes' "The noise of time". *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 81–92. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-81-92

Received 25 May 2020;
reviewed 30 July 2020;
accepted 31 July 2020.

Copyright: © The Authors (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article examines a number of linguostylistic means which are used in English-language biofictional texts in order to construct the image of Russia, particularly the image of Saint-Petersburg. With the onset of Postmodern Era experimental biographical fiction as a genre has gained a great popularity. The article explores linguocultural characteristics of J. Barnes' "The noise of time", the postmodern biography of the outstanding composer D. D. Shostakovich residing in the Soviet Russia.

For the purposes of this study, biofiction is defined as a hybrid literary form that is based on the biography of an actual historical figure. Its semantics reflects the intricate relations between reality and fiction, objectivity and subjectivity. The emergence of biofictional texts is closely connected with the development of the postmodernist philosophy in the second half of the twentieth century. Representing postmodernist discourse quite explicitly, biofictional texts possess such constitutive features as fragmentary narration, various mechanisms of expressing intertextuality, and a montage of various discourse types, ludic modality.

One of the strategies used by biofictional authors for creating verisimilitude in the narration is the construction of external linguocultural context which reflects the actual spatial-temporal relations. The analysis of the elements belonging to external culture is carried out within the framework of interlinguoculturology, on the basis of the methodology, developed by V. V. Kabakchi and combining the linguistic methods of indirect observation and extrapolation. Our research studies the representation of biofictional English-language discourse, describing the Russian culture, by means of English language resources adapted in the course of the so-called "secondary cultural orientation". The study aims at identifying linguistic markers of Russian cultural text localization, the so called xenonymic Russianisms.

The article provides evidence of such a constitutive characteristic of the narrative text under investigation as the intentional play with facts and fiction. Playing with the semantic correlation between reality and fiction, Barnes skillfully creates an authentic Russian linguocultural context within his English-language biofictional narration. Providing the readers with fact-based descriptions of the Soviet Russia, the English author includes in his text a lot of transliterated borrowings, lexical and semantic calques, proverbs and idioms, Russian literary allusions and quotations from Russian precedent texts. He thoroughly represents Petersburg-Leningrad toponymy. The findings of our research into the representation of external linguocultural context can be relevant to the further study of constitutive characteristics of biofiction as a postmodernist genre as this approach gives a new insight into mechanisms of presenting facts and fiction in the narration.

Keywords: biographical texts, biofiction, image of Petersburg, linguocultural analysis, culturonyms, linguoculture, external linguocultural context, J. Barnes, "The noise of time".

Введение

С распространением в XX веке идей постмодернизма появляется особый тип художественных текстов, повествующих о жизни реальных, чаще всего выдающихся, людей и «проблематизирующих отношения между фактом и вымыслом» (Чемодурова 2019а, 53). Начиная

с 60-х годов прошлого века подобные биографические повествования, предлагающие читателям сложные игровые переплетения фикциональности и фактографичности, превращаются в распространенную литературную форму. Приведем лишь несколько примеров авторов, экспериментирующих с данной жанровой разновидностью: Джоанна Скотт (пове-

ствование об Эгоне Шиле), Джон Кутзее (изображение Федора Михайловича Достоевского), Маргарет Этвуд (Грейс Маркс), Чарльз Джонсон (Мартин Лютер Кинг-младший), Майкл Канингем (Вирджиния Вулф), Джойс Кэрол Оутс (Мэрилин Монро), Колум Маккэнн (Рудольф Нуреев), Уильям Стайрон (Нат Тёрнер), Джей Парини (Лев Толстой, Вальтер Беньямин, Герман Мелвилл), Ланс Олсен (Фридрих Ницше), Малькольм Брэдбери (Дени Дидро, Екатерина Великая), Джулиан Барнс (Дмитрий Дмитриевич Шостакович) и многие другие.

Исследователи биографического повествования в эпоху постмодернизма отмечают целый ряд причин, которые способствовали превращению авто/биографического дискурса в один из самых значительных дискурсов постмодернизма. Так, особенности постмодернистской философии, предполагающей «усложнение субъектно-объектных отношений, многослойность повествующего субъекта, неоднозначность структуры (Авто + Био + Графии)», которая трансформируется в «Авто + Фикцию» или, в нашем случае, Био + Фикцию (Киреева 2004; Чемодурова 2019b), а также «склонность авторов к игровой рефлексии над проблемой разграничения/соположения реальности и фикциональности», их стремление «к самоидентификации и самопознанию в хаотическом и непредсказуемом мире» часто обуславливают экспериментирование современных писателей с классическими моделями биографического повествования (Чемодурова 2019a, 53).

Своеобразие современных биографических текстов, попадающих в зону «жанровой неопределенности» (Андреева 2000, 143), моделирующих повествование на грани исторических текстов и биографий, с одной стороны, и художественных текстов-романов, с другой, обусловило актуальность исследования лингвокультурологических и художественных особенностей биографических повествований конца XX — начала XXI вв., написанных англоязычными авторами.

В своей фундаментальной работе «Исторический роман», опубликованной в 1937 г., Г. Лукач определяет классический исторический роман как художественную форму, отражающую движение исторической действительности и показывающую, что в основе поступков лежат общественно-экономические условия народной жизни. Соответственно, «и критерий для оценки его содержания и формы должен быть взят из той же действительности — из жизни народа, из ее развития, проходящего через ряд кризисов» (Лукач 2015, 157). Биографический же роман

рассматривался как ущербный поджанр исторического романа, который в силу своей специфики искажает объективные исторические факторы.

П. М. Кендалл в своей книге «The art of biography» рассматривает биографический роман с позиции жизнеописания, задачей которого является словесно воссоздать жизнь реального человека, вдохнуть жизнь в исторические фигуры, создавая ожившую картинку прошлого. Однако романисты не способны, по мнению Кендалла, дать точное жизнеописание, так как в их повествовании слишком много вымысла (Kendall 1965).

В 1991 г. А. Бюизин ввел термин «биофикция» (Buisine 1991), признавая появление новой художественной формы — биографического фикционального (биофикционального) повествования, — в которой невозможно точное, исторически верное изображение персонажа биографии. В своей классической работе «Эпос и роман» М. Бахтин описал явление, названное им «романизацией» литературных жанров, т. е. транспортировку характерных элементов романа в другие жанры (Бахтин 2000). В настоящее время можно говорить о периоде «биографизации» романа (Moulin 2015), о преобладающей в эпоху постмодернизма и постпостмодернизма тенденции к гибридизации жанров и возникновению сложных жанрово гетерогенных образований.

В последнее десятилетие интерес к биофикциональным повествованиям значительно возрос (Lackey 2017; Чемодурова 2019a), тем не менее конститутивные свойства данного типа текста изучены далеко не полностью, что обуславливает актуальность и новизну нашей работы. Также представляется актуальным и изучение различных лингвистических средств, которые применяют авторы биофикций для воссоздания исторической эпохи и места действия. Таким образом, целью данного исследования является анализ лингвокультурологических средств, моделирующих образ Петербурга в англоязычном биофикциональном повествовании на примере романа Дж. Барнса «Шум времени» (J. Barnes «The noise of time»), повествующем о жизни Д. Шостаковича.

Особенности биофикционального повествования как типа текста

М. Лаки определяет биофикцию как «literature that names its protagonist after an actual historical figure» (Lackey 2017, 3) [«литературное произведение, главный герой которого назван именем

реального исторического лица»; здесь и далее перевод наш. — Н. У, З. Ч.], отделяя ее, таким образом, от таких повествовательных жанров, как биография и исторический роман.

Биофикциональное повествование представляет собой новую форму реализма, являя собой некий продукт развития постмодернистской философии и литературных экспериментов, цель которых состоит не в воссоздании исторической и биографической достоверности, а в моделировании новой реальности, которая сможет изменить сознание читателей и подтолкнуть их к бесконечным «ментальным играм».

Чтобы понять это явление, посмотрим, как постмодернизм повлиял на наши представления о художественном символе. Философы-постмодернисты утверждают, что в построение любой концептуальной системы включаются случайные элементы и, как следствие, любое знание не является достоверным. Стремясь избежать произвольности своих художественных символов, авторы постмодернистских биографических повествований создают своих героев на основе реальных исторических фигур, делая символ более исторически определенным и конкретным. Они объединяют факты и вымысел, чтобы на основе исторической фигуры создать художественный символ, обнажающий или критикующий данную культурную традицию. Например, Барнс в интервью канадскому журналисту, посвященном выходу его нового романа «Шум времени», признавал: «There are certain impertinences in making a real person a fictional person» [«Есть определенная дерзость в попытке создать вымышленного персонажа на основе реальной фигуры»], но его как автора больше всего интересовали взаимоотношения художника и власти в тоталитарном государстве: «It's not about the inner musical self; it's about the inner spiritual self and how an artist being confronted by power works that out on a day-to-day basis» [«Роман не о его музыкальной сущности, но о его внутреннем духовном "я" и о том, как художник, подавляемый властью, изо дня в день пытается справиться и выжить»] (цит. по: Adams 2016).

Одной из характерных особенностей нового типа текста является творческое преобразование авторами биофикций биографических и исторических фактов. По мнению исследователей, «biographical novelists seek to represent a different type of truth from biographers» (Lackey 2017, 9) [«авторы биографических романов стремятся воссоздать другую правду, отличную от той, которую ищут биографы»]. Современные создатели биофикциональных повествований моделируют биографические факты так, чтобы

изобразить субъект своего повествования представителем людей, живущих в разное время, в разных социально-политических и экономических условиях, превращая протагониста в некий художественный символ. Можно сделать вывод, что авторы биофикций используют жизнь конкретного исторического лица для создания своей собственной картины мира, намеренно играя в семантическом поле «фактологичность — фикциональность».

Существуя в поле постмодернистского дискурса, биофикциональный нарратив обладает такими типичными для постмодернистской поэтики чертами, как эклектичность и смешение художественных стилей и жанров, ироничное отношение и подчеркивание хаотичности современного мира, интертекстуальность и игровая модальность. Одновременно с этими типично постмодернистскими свойствами биофикции характеризуются попытками авторов детально реконструировать определенный период жизни своих персонажей, что позволяет говорить о постпостмодернистских чертах таких повествований. Рассмотрим реализацию этих эстетических принципов в романе-биофикции Дж. Барнса «Шум времени».

«Шум времени» Барнса как пример постмодернистского текста

Этот образец биофикционального повествования основан на материале русской истории XX века и рисует жизнь крупнейшего советского композитора Д. Д. Шостаковича, а точнее, три центральных, по мнению автора, эпизода его биографии, являющиеся поворотными во взаимоотношениях художника с властью: 1936–37 гг. — время появления разгромной статьи «Сумбур вместо музыки» в газете «Правда», указывающей на антинародную сущность оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», и объявления его врагом народа; 1948–49 гг. — участие композитора по поручению Сталина во Всемирном конгрессе деятелей науки и культуры в защиту мира, проходившем в Нью-Йорке; 1960 г. — вынужденное вступление в партию и официальное признание: он становится Председателем Союза композиторов РСФСР и лауреатом многочисленных государственных премий. Кульминационным моментом каждого эпизода является «разговор с властью», а всё остальное содержание фрагментарно и хаотично.

Характерные для постмодернистского дискурса нарочитая хаотичность и фрагментарность повествования в данном случае объясняются

избранной Барнсом нарративной моделью: произведение написано в форме внутреннего монолога-воспоминания, репрезентирующего внутреннюю противоречивость сознания Шостаковича, таким образом «нарратив миметически воспроизводит внутреннюю нестабильность самоощущения героя, раздирающие его противоречия» (Анцыферова 2018, 72). Рассмотрим начало третьего эпизода «In the car». Дмитрий Дмитриевич едет в автомобиле с личным шофером, размышляя о самых тяжелых временах для композитора:

He sat in his chauffeured car while the landscape bumped and drifted past. He asked himself a question. It went like this:

Lenin found music depressing.

Stalin thought he understood and appreciated music.

Khrushchev despised music.

Which is the worst for a composer?
(Barnes 2017, 115)

И немедленно воспоминания уносят Шостаковича в его детство, когда он с товарищами побежал на Финляндский вокзал встречать Ленина. Хотя, перебирая в памяти обстоятельства этого знаменательного события, протагонист тут же ставит под сомнение наличие в своей биографии самого факта пребывания на вокзале:

When Lenin arrived at the Finland Station, Dmitri Dmitrievich and a group of schoolfellows had rushed there to greet the returning hero. It was a story he had told many times. However, since he had been a delicate, protected child, he might not have been allowed to go off just like that. It was more plausible that his Old Bolshevik uncle, Maxim Lavrentyevich Kostrikin, would have accompanied him to the station. He had told this version as well, many times. <...> But there was a third possibility: that he had not seen Lenin at all, and been nowhere near the station. He might just have adopted a schoolfellow's report of the event as his own. These days, he no longer knew which version to trust (Barnes 2017, 115–116).

С характерной для себя иронией Барнс далее направляет внимание своего главного героя на что-то более конкретное и поддающееся логическому обоснованию — на ухо шофера:

He lit another forbidden cigarette and stared at the chauffeur's ear. That, at least, was something solid and true: the chauffeur had an ear. And, no doubt, one on the other side, even though he couldn't see it. So it was an ear which existed only in his memory — or, more exactly, his imagination — until such time as he saw it. Deliberately, he leant across until the wing and lobe of the other ear came into view. Another question solved, for the moment (Barnes 2017, 116).

Приведенный пример показывает, что сознание Шостаковича, в том виде, как оно представлено автором, наполнено несвязанными мыслями и ассоциациями: серьезные размышления о судьбе композитора перемежаются с недостоверными детскими воспоминаниями и комическими рассуждениями о наличии второго уха у шофера.

Другие исследователи источником фрагментарности считают особую технику повествования, используемую Барнсом, в которой осуществляется «cycling and recycling choice vignettes through memory and reflection as well as real time, to create an intimately illuminating montage of Shostakovich's life» (Lasdun 2016) [как «избранные виньетки раз за разом проходят в памяти персонажа наряду с переживаниями настоящего момента — в целях воссоздания жизни Шостаковича в технике монтажа»].

Барнс как автор биофигии не стремился воссоздать подлинный характер советского композитора. Шостакович является для него олицетворением противостояния гения и власти, оказывающей давление на гениального композитора: «There is no one in the history of Western music on whom power bore down on such a day-to-day basis, demanding that he make decisions both musical and political. <...> I think it's the story, really, of a man who loses his soul. I think it's a tragedy» (цит. по: Lasdun 2016) [«Нет ни одного композитора в истории Западной музыки, на которого власть оказывала такое давление изо дня в день, требуя принятия как музыкальных, так и политических решений. <...> Я думаю, что, на самом деле, это история о человеке, который потерял свою душу. И я думаю, что это трагедия»]. Таким образом, биография Шостаковича нужна Барнсу как основа для создания нового художественного символа — художника, который выжил в условиях тоталитаризма.

Такой конститутивный признак постмодернистской поэтики, как иронический модус формулирования текста (Чемодурова 2017), свой-

ственен и биофигуральному повествованию Барнса, где ирония выступает в качестве доминанты в репрезентации характера выдающегося композитора. Коммуникативно-творческая стратегия, избранная Барнсом, обуславливает ироническую репрезентацию многих биографических фактов, причем в тексте происходит наложение биографического и автобиографического дискурсов (Чемодурова 2019а, 57). Приведем лишь один пример. Среди воспоминаний главного героя о своей поездке в Нью-Йорк мы встречаем ироничный комментарий:

Or better still, they could have just put him in a wooden crate with a week's supply of sausage and vodka, dumped it at LaGuardia airport and loaded it back on the plane for their return. So, Dmitri Dmitrievich, how was your trip? Wonderful, thank you, I saw all I wished to see and the company was most agreeable (Barnes 2017, 62).

Личные местоимения *they, him, their* в первой части сообщения актуализируют биографический дискурс, в то время как диалог во второй части, содержащий обращение к протагонисту, местоимения 1-го и 2-го лица *your, you, I*, приводит к актуализации автобиографического дискурса.

Анализируя любую работу автора-постмодерниста, нельзя не отметить и такую важнейшую текстовую категорию, как интертекстуальность (McHale 1987). Обращаясь к «русской теме», Барнс вводит в биофигуральное повествование широкий аллюзивный пласт, связанный с русской и советской литературой и искусством. Собственно, это тема отдельного исследования, а здесь мы не можем не упомянуть, что и само название — «Шум времени» — отсылает к одноименному сборнику эссе Осипа Мандельштама (1925), написанному в жанре автобиографической прозы. Также интертекстуальная связь с русской литературой проявляется в обилии цитат как из русской классической литературы — Пушкин, Гоголь, Чехов, — так и советской — Пастернак, Евтушенко, Солженицын.

Помимо русского интертекста роман содержит и аллюзии на европейскую литературу, например Шекспира, Ж.-П. Сартра с его пьесой «Мухи», новеллу Ги де Мопассана «Госпожа Парис», «1984» Дж. Оруэлла.

Итак, на основе краткого анализа можно сделать вывод, что роман Барнса, написанный в жанре биофигуры, обладает типичными признаками, характерными для поэтики постмо-

дернизма: композиционной фрагментарностью и ироничным тоном повествования, разнообразными интертекстуальными маркерами и множественными сигналами «монтажа дискурсов».

Обратимся теперь к рассмотрению лингвистических средств, которыми пользуется автор для моделирования пространства, окружающего главного персонажа и представляющего собой значительный фактографический пласт в биофигуре.

Моделирование образа Петербурга в англоязычном повествовании

При репрезентации реального пространства в вымышленном мире художественного текста писатели используют различные лингвокультурные и стилистические средства, моделируя окружающую персонаж среду в соответствии со своим замыслом.

При анализе текстовых элементов, содержащих в своей семантике указание на пространственные отношения, выделяют модуль персонажа, т. е. ту часть текста, где внимание фокусируется на субъекте разворачивающегося действия, и модуль пространства, где в фокусе оказывается окружающая персонаж среда, при этом «пространство не “исчезает” при перемещении фокуса внимания на ПЕРСОНАЖ, а лишь меняет статус (отходит на второй план)» (Мазанова 2004, 8), что соответствует когнитивному принципу фона и фигуры (см., например, Stockwell 2002, 15; Мазанова 2004, 7–8).

В данной статье, исследуя пространство, представленное в романе-биофигуре «Шум времени», мы ограничились рассмотрением языковых средств, используемых англоязычным автором для репрезентации инокультурного, русского, города, в котором родился и провел большую часть жизни протагонист данного англоязычного биофигурального повествования. Как известно, естественный язык «существует в тесной связи с исторически обуславливаемой им культурой, образуя с ней диалектическое единство — лингвокультуру», для описания которой в языке формируется «специальная номенклатура — *культуронимы*» (Кабакчи, Белоглазова 2018, 50), т. е. наименования элементов любой культуры. Однако, обращаясь к описанию внешней, в нашем случае русской, культуры, с которой английский язык связывает вторичная культурная ориентация, он «вынужден приспособляться к “чужой” культуре, адаптируя свой словарный состав в соответствии со спецификой внешней куль-

туры» (Кабакчи, Белоглазова 2012, 7). В языке появляются особые наименования для специфических элементов, характерных для внешней культуры, — ксенонимы. Таким образом, для изучения лингвистических средств, моделирующих образ Петербурга в англоязычном повествовании, представляется оправданным обратиться к интерлингвокультурологии, лингвистической дисциплине, изучающей проблему вторичной культурной ориентации языка, обращенного в область иноязычной культуры, и для анализа средств, передающих внешнекультурные реалии, использовать метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, разработанный В. В. Кабакчи (Кабакчи, Белоглазова 2012).

Моделируя образ русского города Петербурга — художественного пространства, в котором действует протагонист, русский композитор Д. Д. Шостакович, англоязычный писатель Барнс вводит в текст элементы инолингвокультуры, которые называются инолингвокультурным контекстом (Кабакчи, Белоглазова 2018, 51), позволяющие автору реализовать установку на аутентичное описание моделируемой фактографической составляющей повествования.

На первых же страницах романа Барнс создает русский культурный контекст, насыщая описание небольшого эпизода на железнодорожной станции маркерами русской культурной ориентации (здесь и далее выделено нами. — Н. У., З. Ч.):

“Blessed by the village priest, he had set off to fight for his homeland and the *Tsar*”, “Some passengers might toss him a *kopeck* or two for entertainment”, “In reply, the man with spectacles held up a bottle of *vodka*”, “And so there were three of them, *the traditional vodka-drinking number*” (Barnes 2017, 1–2).

Как видно из приведенных примеров, автор использует не только лексические единицы — ксенонимы, передающие реалии русской жизни и культуры (*Tsar*; *kopeck*, *vodka*), но и демонстрирует знание традиций и привычек, умело репрезентируя так называемые русские «ситуативные реалии» (Тимофеева 1999): получить благословение у священника перед трудным делом, употреблять алкоголь в компании из трех человек.

Обратимся к анализу ксенонимов, используемых Барнсом при описании Петербурга. Первая глава романа рисует советский город 20–30-х годов XX века, страшного периода ре-

прессий и государственного террора. Измученный страхом, объявленный врагом народа, Шостакович проводит каждую ночь на лестничной площадке в ожидании ареста, вспоминая свою жизнь.

Как видно из нижеследующих примеров, при моделировании пространства автор использует много маркеров культурной локализации, в первую очередь это транслитерированные заимствования:

One of his persistent waking nightmares was that the *NKVD* would seize *Galya* and pack her off (Barnes 2017, 15).

Tchaikovsky was *decadent*, and the slightest experimentation condemned as ‘formalism’ (Barnes 2017, 25).

On his first night by the lift, he had decided not to smoke. There were three packs of *Kazbeki* in his case, and he would need them when it came to his interrogation (Barnes 2017, 16).

В этом примере обращает на себя внимание, что заимствовано не только название сигарет, но и грамматическая категория множественного числа, которая образована по правилам русского языка при помощи транслитерированного окончания -i (-и).

Интересно отметить, что инолингвокультурный контекст в следующем примере создается при помощи французского *conservatoire* для обозначения музыкального учреждения: «while he was still at the *Conservatoire* a group of Leftist fellow students had tried to have him dismissed and his stipend removed» (Barnes 2017, 25). Мы считаем, что Барнс намеренно использует именно французское заимствование, а не английское *conservatory*, для дистанцирования от первичной культурной ориентации «за счет дифференциации языковых средств, используемых для описания внутренней и внешней культуры» (Кабакчи, Белоглазова 2018, 51).

Следующий способ, широко используемый Барнсом для создания инолингвокультурного пространства, — это калькирование. Автор вводит в текст повествования многочисленные кальки, как лексические (*Leftism*, *the Cult of Personality*, *the enemy of the state*), так и семантические (*Soviet Art*, *Party*, *Power*; *a model Soviet citizen*).

Еще один способ передачи внешнекультурных реалий, встречающийся в данном биофикциональном повествовании и обеспечивающий понимание русских ксенонимов, — это гибридные образования, в которых один элемент ксенонима заимствуется, а другой переводится:

He remembered the pain that night before they took his appendix out. Throwing up twenty-two times, swearing all the swear-words he knew at a nurse, then begging a friend to fetch the *militiaman* to shoot him and end the pain (Barnes 2017, 9).

They always came for you in the middle of the night. And so, rather than be dragged from the apartment in his pyjamas, or forced to dress in front of some contemptuously impassive *NKVD man*, he would go to bed fully clothed, lying on top of the blankets, a small case already packed on the floor beside him (Barnes 2017, 15).

Использование специальных ксенонимических наименований элементов русской (внешней) культуры зачастую приводит к усложнению текста повествования, поэтому Барнс прибегает и к менее точным способам создания инокультурного контекста, среди них:

- описательные обороты: «It was as if, when drawing up their plans for *Soviet Russia (СССР/РСФСР?)*, the architects had been thoughtful, meticulous and well-intentioned, but had failed at a very basic level» (Barnes 2017, 172);
- использование полионима, т. е. универсального культуронима, который можно использовать для описания как внутренней, так и внешней культуры: «The Marshal acted as his patron, organising financial support for him from the military commander of the Leningrad District (*район/округ?*)» (Barnes 2017, 23);
- замена русскоязычного культурного маркера англоязычным аналогом: «The beggar stopped singing his filthy song. Dmitri Dmitrievich held the bottle, he the *glasses*. Dmitri Dmitrievich poured vodka into each *glass (рюмка/стакан?)*» (Barnes 2017, 180);
- замена русскоязычного ксенонима родовым понятием: «Prokofiev had left Russia for the West shortly after *the Revolution (какая из трех революций начала XX века?)*» (Barnes 2017, 41).

Для достоверной передачи образа Петрограда-Ленинграда XX века Дж. Барнс использует в своем повествовании большое количество реальных топонимов, в том числе урбанонимов, образованных чаще всего при помощи калькирования или гибридного образования: *Nikolayevskaya Street, Bolshaya Pushkarskaya Street, the Finland Station, the River Neva, Nevsky Prospekt, Liteiny Prospekt*. В состав последних

двух годонимов включен локалоид *Prospekt*, т. е. элемент легко узнаваемой интернациональной лексики, приводимый в русскоязычной транслитерированной графике.

Важную роль в репрезентации советского Ленинграда играют калькированные названия различных городских учреждений:

She worked as a typist in *the Chamber of Weights and Measures*, and gave piano lessons in exchange for bread (Barnes 2017, 22).

He had been backstage at *the Small Hall of the Conservatoire*, feeling chastened and sorry for himself (Barnes 2017, 23).

Except that *the Russian Association of Proletarian Musicians* and similar cultural organisations had campaigned from their inception against what he stood for (Barnes 2017, 25).

Except that as early as 1929 he had been officially denounced, told that his music was 'straying from the main road of Soviet art', and sacked from his post at the *Choreographic Technical College* (Barnes 2017, 25).

He asked his friend to go to the *Central Leningrad Post Office* and open a subscription to receive all the relevant cuttings (Barnes 2017, 39).

His Fifth, which he wrote that summer, was premiered in November 1937 in the *Hall of the Leningrad Philharmonic* (Barnes 2017, 57).

He'd barely missed a performance of *Petrushka* at the *Mariinsky* (Barnes 2017, 64).

Their new version went to the *Leningrad Maly Theatre* (Barnes 2017, 136).

Однако Барнс не просто вводит маркеры культурной локализации в свое повествование, а рисует атмосферу страха и безнадежности, царившую в советском городе в этот исторический период. Приведенный ниже фрагмент насыщен разнообразными элементами инолингвокультурного контекста, которые несут большую смысловую нагрузку: «...*Power*, as it expressed itself to people like him in *Leningrad*, resided in *the Big House*. Many who went into *the Big House on Liteiny Prospekt* never emerged again» (Barnes 2017, 43). И семантическая калька *Power* для обозначения правящей партии, и лексическое калькирование *the Big House*, обозначающее

управление наркомата внутренних дел, помогают передать читателю чувства страдания, отчаяния и страха, которые испытывали почти все жители города.

Характерный для Дж. Барнса ироничный тон повествования проявляется и в игре с топонимом «Петербург» за счет введения как приемов вторичной номинации, так и неологизма для его обозначения: «...What did a name matter? He had been born in *St. Petersburg*, started growing up in *Petrograd*, finished growing up in *Leningrad*. Or *St Leninsburg*, as he sometimes liked to call it» (Barnes 2017, 11).

Как известно, каждое название города на Неве соответствует определенному историческому периоду, однако автор-постмодернист, описывая трагическую жизнь советского композитора, создает фрагментированное, не всегда хронологически стройное биофикциональное повествование, моделируя фикциональный мир, характеризующийся «энтропией пространственно-временных отношений». Сталкиваясь в своем повествовании различные наименования одного и того же города, изобретая свои собственные названия города, Барнс вовлекает и читателей в игру в фикциональность/фактографичность, провоцируя у менее подготовленной части своей аудитории возникновение когнитивного диссонанса (Чемодурова 2019b):

The prostitutes of *Petrograd* had been no respecters of his youth and innocence (Barnes 2017, 13).

In the decade he had known Tukhachevsky, he had often seen him sweeping through Moscow and *Leningrad* after dark in his Marshal's uniform, half at work, half at play... (Barnes 2017, 14)

She returned to Moscow; he and Marusya to *Petrograd* (Barnes 2017, 17).

While he had been awaiting orders from the Big House in *St Leninsburg*, Oistrakh had been expecting arrest in Moscow (Barnes 2017, 63).

They were safe there, and once his mother was out of *Leningrad* and able to join them he became less anxious (Barnes 2017, 69).

He came from the wrong stock: the liberal intelligentsia of that suspect city *St Leninsburg* (Barnes 2017, 89).

He [Tinyakov] lived in *Petersburg* and wrote about love and flowers and other lofty subjects (Barnes 2017, 119).

Инолингвокультурный контекст может моделироваться не только отдельными лексическими единицами, но и фразеологизмами, пословицами и поговорками (Кабакчи, Белоглазова 2018, 53–54). Барнс проявляет себя как хороший знаток русской идиоматики:

So the anonymous analysis by someone who knew as much about music as a pig knows about oranges was decorated with those familiar, vinegar-soaked labels (Barnes 2017, 27).

Yes, and *Russia* was the homeland of elephants (Barnes 2017, 40).

Fear: what did those who inflicted it know? They knew that it worked, even how it worked, but not what it felt like. 'The wolf cannot speak of the fear of the sheep,' as they say (Barnes 2017, 63).

Also, there were fewer cats sharpening their claws on his soul (Barnes 2017, 69).

When you chop wood, the chips fly: that's what the builders of socialism liked to say (Barnes 2017, 87).

Кроме идиоматических выражений, инолингвокультурный контекст репрезентуется и другими прецедентными текстами русской культуры (Кабакчи, Белоглазова 2018, 55):

а) песнями: «And his father, his sweet-natured, lovable, impractical father, standing by the piano and singing 'The Chrysanthemums in the Garden Have Long Since Faded'» (Barnes 2017, 8);

б) кинофильмами: «Stalin had expressed a great appreciation of Dmitri Dmitrievich's soundtrack for the *Maxim* trilogy» (Barnes 2017, 75);

в) произведениями художественной литературы: «...when people started returning from the camps, and when *One Day in the Life of Ivan Denisovich* was published, how could men and women fail to hope?» (Barnes 2017, 146).

Таким образом, мы видим, что англоязычному читателю предлагается сложный и противоречивый образ советского Ленинграда, созданный автором на страницах биофикционального повествования «The noise of time», поражающий своей реалистичностью, с одной стороны, и намеренной мифологичностью, с другой. Джулиан Барнс использовал удивительно широкий набор средств для вербализации русского культурного контекста, создавая яркий пример постмодернистской биофикции, в которой

сочетаются тщательно подобранные элементы реалий русской культуры и вымышленные факты.

Заключение

В контексте глобализации английский язык всё чаще обращается к внешним иноязычным культурам, что приводит к появлению большого количества текстов вторичной культурной ориентации, в том числе художественных текстов, ориентированных на русскую культуру.

Однако художественная рецепция инокультурного «неизбежно обнаруживает пределы возможностей понимания со стороны “другого”, обусловленные национальной ментальностью воспринимающего» (Теличко 2017, 95). Барнс хорошо знаком с русской историей и литературой, что подтверждает и обилие ксенонимов-русизмов, и широкий интертекстуальный пласт. Описывая жизнь Д. Д. Шостаковича, он рисует и образ России в целом, который, к сожалению, не лишен штампов и стереотипов, свойственных иностранцам, изображающим российские реалии.

Английские критики также обращают пристальное внимание на национальную специфику данной биофантастики, пытаясь проанализировать, насколько британское происхождение Барнса влияет на его репрезентацию советской действительности (Lasdun 2016). Протагонист предстает как «типичный, застегнутый на все пуговицы ленинградец» («typical buttoned-up <...> Leningrader») (Barnes 2016, 12), хотя, по мнению некоторых исследователей, он больше похож на англичанина, случайно попавшего в чуждый ему русский «хаосмос», дисгармония которого передается в романе через метафору шума» (Теличко 2017, 103).

Дальнейшее изучение особенностей постмодернистского биофантастического повествования, а именно механизмов репрезентации фактологичности и фактологичности (вымысла и правды), специфики реализации субъектно-объектных и пространственно-временных отношений, позволит выделить конститутивные признаки и определить границы этого пока еще не до конца изученного типа текста.

Литература

- Андреева, В. А. (2000) Об одной из зон жанровой неопределенности (автобиография и автобиографический роман). *Studia Linguistica*, № 9, с. 143–150.
- Анцыферова, О. Ю. (2018) О нарративе тоталитаризма в творчестве Джулиана Барнса. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, т. 10, № 1, с. 69–78. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78
- Бахтин, М. М. (2000) *Эпос и роман*. СПб.: Азбука, 300 с.
- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2012) *Введение в интерлингвокультурологию*. СПб.: СПбГУЭФ, 252 с.
- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2018) Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, т. 17, № 3, с. 49–59. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.5
- Киреева, Н. В. (2004) *Постмодернизм в зарубежной литературе*. М.: Флинта, 214 с.
- Лукач, Г. (2015) *Исторический роман*. М.: Common Place, 178 с.
- Мазанова, Е. Ю. (2004) *Когнитивные механизмы и языковые средства репрезентации пространства в англоязычном тексте художественной прозы. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГЛУ, 24 с.
- Теличко, Т. Г. (2017) «Шум» и «музыка» в романе Д. Барнса «Шум времени». *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*, т. 2, № 4, с. 94–105. DOI: 10.23683/2415-8852-2017-4-94-105
- Тимофеева, З. М. (1999) «Ситуативные реалии» в художественном тексте, созданном писателем-билингвом. В кн.: В. В. Болдырев, Т. А. Фесенко (ред.). *Реальность, язык и сознание. Межвузовский сборник научных трудов. Т. 1*. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, с. 161–162.
- Чемодурова, З. М. (2017) *Прагматика и семантика игры в англоязычной постмодернистской прозе XX–XXI веков. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 40 с.
- Чемодурова, З. М. (2019а) Стратегии создания современного англоязычного автобиографического текста. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 192, с. 52–59.
- Чемодурова, З. М. (2019б) Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 2, с. 55–64. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-55-64

- Adams, J. (2016) In new novel, Julian Barnes tests the noise of time through art and biography. *The Globe and Mail*, 3 June. [Online]. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books-and-media/in-new-novel-julian-barnes-tests-the-noise-of-time-through-art-and-biography/article30260780/> (accessed 04.05.2020).
- Buisine, A. (1991) Biofictions. *Revue des Sciences Humaines. Le Biographique*, vol. 4, no. 224, pp. 7–13.
- Kendall, P. M. (1965) *The art of biography*. New York: Norton, 158 p.
- Lackey, M. (2017) Introduction to focus: Biofiction — its origins, natures, and evolutions. *American Book Review*, vol. 39, no. 1, pp. 3–4. DOI: 10.1353/abr.2017.0123
- Lackey, M. (2017) *Biographical fiction: A reader*. New York: Bloomsbury Academic, 488 p.
- Lasdun, J. (2016) The Noise of Time by Julian Barnes review – how Shostakovich survived Stalin. *The Guardian*, 22 January. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/jan/22/the-noise-of-time-by-julian-barnes-shostakovich-stalin-review> (accessed 01.05.2020).
- McHale, B. (1987) *Postmodernist fiction*. New York: Methuen, 264 p.
- Moulin, J. (2015) Biofiction. *The Biography Society*, 20 December. [Online]. Available at: <https://biography.society.org/2015/12/20/biofiction/> (accessed 28.04.2020).
- Stockwell, P. (2002) *Cognitive poetics: An introduction*. London; New York: Routledge, 193 p.

Sources

- Barnes, J. (2017) *The noise of time*. London: Vintage, 183 p. (In English)

References

- Adams, J. (2016) In new novel, Julian Barnes tests the noise of time through art and biography. *The Globe and Mail*, 3 June. [Online]. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/arts/books-and-media/in-new-novel-julian-barnes-tests-the-noise-of-time-through-art-and-biography/article30260780/> (accessed 04.05.2020). (In English)
- Andreeva, V. A. (2000) Ob odnoj iz zon zhanrovoi neopredelennosti (avtobiografiya i avtobiograficheskij roman) [About one area of genre ambiguity (autobiography and autobiographical novel)]. *Studia Linguistica*, no. 9, pp. 143–150. (In Russian)
- Antsyferova, O. Yu. (2018) O narrative totalitarizma v tvorchestve Dzhuliana Barnsa [Totalitarian narrative in works of Julian Barnes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya — Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 10, no. 1, pp. 69–78. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-1-69-78 (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2000) *Epos i roman [Epic and novel]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 300 p. (In Russian)
- Buisine, A. (1991) Biofictions. *Revue des Sciences Humaines. Le Biographique*, vol. 4, no. 224, pp. 7–13. (In French)
- Chemodurova, Z. M. (2017) *Pragmatika i semantika igry v angloyazychnoj postmodernistskoj proze XX–XXI vekov [Pragmatics and semantics of play in English postmodern prose of 20–21 centuries]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 40 p. (In Russian)
- Chemodurova, Z. M. (2019a) Strategii sozdaniya sovremennogo angloyazychnogo avtobiograficheskogo teksta [Strategies of constructing modern autobiographical texts]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 192, pp. 52–59. (In Russian)
- Chemodurova, Z. M. (2019b) Kognitivnyj dissonans kak komponent interpretatsionnoj programmy postmodernistskogo khudozhestvennogo teksta [Cognitive dissonance as a component of the interpretational programme in postmodernist fiction]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki — Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 55–64. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-55-64 (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ., 252 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2018) Discurs angloyazychnogo opisaniya russkoj kul'tury: perspektivi korpusnogo issledovaniya [Russian-culture-oriented discourse of English: Prospects of corpus research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie — Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, vol. 17, no. 3, pp. 49–59. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.3.5 (In Russian)
- Kendall, P. M. (1965) *The art of biography*. New York: Norton, 158 p. (In English)
- Kireeva, N. V. (2004) *Postmodernizm v zarubezhnoj literature [Postmodernism in foreign literature]*. Moscow: Flinta Publ., 214 p. (In Russian)
- Lackey, M. (2017) Introduction to focus: Biofiction — Its origins, natures, and evolutions. *American Book Review*, vol. 39, no. 1, pp. 3–4. DOI: 10.1353/abr.2017.0123 (In English)
- Lackey, M. (2017) *Biographical fiction: A reader*. New York: Bloomsbury Academic, 488 p. (In English)
- Lasdun, J. (2016) The Noise of Time by Julian Barnes review – how Shostakovich survived Stalin. *The Guardian*, 22 January. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/jan/22/the-noise-of-time-by-julian-barnes-shostakovich-stalin-review> (accessed 01.05.2020). (In English)
- Lukács, G. (2015) *The historical novel*. Moscow: Common Place, 178 p. (In Russian)

- Mazanovа, E. Yu. (2004) *Kognitivnye mekhanizmy i yazykovye sredstva reprezentatsii prostranstva v angloyazychnom tekste khudozhestvennoj prozy* [Cognitive mechanisms and linguistic means of space representation in a literary English text]. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Moscow State Linguistic University, 24 p. (In Russian)
- McHale, B. (1987) *Postmodernist fiction*. New York: Methuen, 264 p. (In English)
- Moulin, J. (2015) Biofiction. *The Biography Society*, 20 December. [Online]. Available at: <https://biographysociety.org/2015/12/20/biofiction/> (accessed 28.04.2020). (In English)
- Stockwell, P. (2002) *Cognitive poetics: An introduction*. London; New York: Routledge, 193 p. (In English)
- Telichko, T. G. (2017) “Shum” i “musyka” v romane D. Barnsa “Shum vremeni” [“Noise” and “music” in Julian Barnes’ novel “The Noise of Time”]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel’nykh i kul’turnykh issledovanij — Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 94–105. DOI: 10.23683/2415-8852-2017-4-94-105 (In Russian)
- Timofeeva, Z. M. (1999) “Situativnie realii” v khudozhestvennom tekste, sozdannom pisatelem-bilingvom. In: V. V. Boldyrev, T. A. Fesenko (eds.). *Realnost’, yazyk i soznanie. Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Reality, language and consciousness. Interuniversity collection of scientific papers]. Vol. 1. Tambov: Derzhavin Tambov State University, pp. 161–162. (In Russian)

Что «вымаливает» художественный оригинал: межъязыковое и межсемиотическое выживание

В. А. Разумовская^{✉1}

¹ Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79/10

Сведения об авторе

Вероника Адольфовна
Разумовская,
SPIN-код: 8263-8539,
ORCID: 0000-0002-0751-7964,
Researcher ID: O-3584-2017,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Для цитирования:

Разумовская, В. А.
(2020) Что «вымаливает»
художественный оригинал:
межъязыковое
и межсемиотическое выживание.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 2, № 2, с. 93–103.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-93-103

Получена 8 декабря 2019; прошла
рецензирование 11 января 2020;
принята 20 января 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена анализу бытования «сильного» драматургического текста русской культуры, функционирующего в различных вербальных и невербальных формах. Судьба чеховской пьесы «Три сестры» рассматривается относительно переводов на языки мира и межсемиотических переводов на «языки» других видов искусства, что обеспечивает дальнейшее развитие оригинала, его сохранение в культурах переводящих языков. Различные типы перевода обеспечивают эволюцию эстетической информации и энергии оригинала, являются важнейшей формой его существования и имеют своим результатом расширение границ переводимости текста и увеличение степени его «переведенности». История «сильного» текста культуры есть непрерывный процесс его интерпретации средствами различных семиотических систем культуры. «Сила» драматургического текста пьесы основывается на наличии в нем ценной эстетической информации, генерируемой культурной информацией и памятью, что обеспечивает эстетическое воздействие на реципиентов родной и чужой культур. Намеренная ориентированность на сценическое воплощение диктует необходимость регулярного создания новых переводов пьесы для планируемых театральных постановок. Генерирование переводов обусловлено замыслами театральных и кинорежиссеров, а также очевидной необходимостью трактовки драмы в контексте театральных процессов XXI в. Чеховский оригинал и переводы различной семиотической природы формируют обширный центр переводной аттракции. Межъязыковые и межсемиотические переводы пьесы создают сложное многомерное и мультимедийное текстовое пространство, отражающее эксплицитные и имплицитные информационные параметры оригинала. Переводные варианты текста драмы могут иметь вторичный (перевод для себя), и третичный (перевод для реципиента) и другие последующие статусы. Многочисленные варианты пьесы обеспечивают ей постоянный статус «актуальной» классики и расширяют сценический потенциал, обеспечивая возможность ее новых адаптаций и интерпретаций. Неизбежная изменчивость оригинала в переводах дает возможность более полного раскрытия его информационного потенциала.

Ключевые слова: драма, Чехов, «Три сестры», межъязыковой перевод, межсемиотический перевод, интерпретация, адаптация, центр переводной аттракции, вторичный и третичный текст.

What literary original is “pleading for”: Interlingual and intersemiotic survival

V. A. Razumovskaya✉¹

¹ Siberian Federal University, 79/10 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russia

Author

Veronica A. Razumovskaya,
SPIN: 8263-8539,
ORCID: 0000-0002-0751-7964,
Researcher ID: O-3584-2017,
e-mail: veronica_raz@hotmail.com

For citation:

Razumovskaya, V. A.
(2020) What literary original
is “pleading for”: Interlingual and
intersemiotic survival. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 2, no. 2, pp. 93–103.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-93-103

Received 8 December 2019;
reviewed 11 January 2020;
accepted 20 January 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article is devoted to the analysis of existence of a “strong” drama text of Russian culture functioning in various verbal and nonverbal forms. The destiny of Chekhov’s play “Three sisters” is studied regarding translations into the languages of the world and intersemiotic translations in the “languages” of other arts, allowing the further development of the original, its preservation it in the cultures of target languages. Different types of translation provide the aesthetic evolution of information and energy of the original, are essential form of its existence and result into the expansion of the boundaries of text translatability and increase the degree of its “translatedness”. The history of “strong” text of culture is a continuous process of its interpretation by means of various semiotic systems of culture. The “strength” of a play text is based on the presence of valuable aesthetic information generated by cultural information and memory, which enhance an aesthetic impact on the recipients of native and foreign cultures. The deliberate focus on the staging embodiment dictates the need for regular creation of new play translations for planning theatrical productions. The generation of translations is due to both the intentions of theater and film directors, as well as the obvious need to interpret the drama in the context of theatrical processes of the 21st century. Chekhov’s original text and translations of various semiotic nature form an extensive center of translation attraction. Interlingual and intersemiotic translations of the play create a complex multidimensional and multimedia text space, which reflects the explicit and implicit information parameters of the original. Translated versions of the drama text could have secondary (translation for themselves), tertiary (translation for the recipient) and other subsequent statuses. Numerous versions of the play provide it with a permanent status of “relevant” classics and expand its stage potential, inducing the possibility of its new adaptations and interpretations. The inevitable variability of the original in translations makes it possible to disclose its information potential more fully.

Keywords: drama, Chekhov, “Three sisters”, interlingual translation, intersemiotic translation, interpretation, adaptation, center of translation attraction, secondary and tertiary text.

Перевод как «выживание» и сохранение оригинала

Проблематика художественного перевода — сложного научного объекта (информационного «черного ящика»), теоретическое осмысление которого приобрело статус отдельного раздела гуманитарного научного знания только в середине XX в., никогда не рассматривается исключительно в рамках «родного» переводоведения. Занимая особое место среди различных видов перевода, художественный перевод традиционно описывается в различных научных парадигмах с позиций или как часть предметных полей лингвистики, литературоведения, философии, компаративистики, теории литературы, культурологии, а также ряда других

дисциплин или их комбинации. Например, указывая на комплементарную природу рассматриваемого творческого вида перевода, А. Попович пишет: «Теория художественного перевода в узком смысле слова основана на пересечении таких четырех дисциплин: сопоставительная лингвистика, сопоставительная стилистика, теория литературной компаративистики, теория литературы» (Попович 1980, 33).

Отмечая ингерентную двуплановость художественного перевода, П. М. Топер также говорит как о его особом месте среди видов перевода, так и о его соотносимости с литературным творчеством и искусством вообще (Топер 1975, 369).

Понимание художественного перевода как сложного коммуникативного процесса невоз-

можно без обращения к его ключевым категориям, а также объектам и субъектам, основными из которых являются тексты оригинала и перевода, переводчик и читатель (реципиент) перевода. Примечательно, что к данному виду перевода в своих исследованиях нередко обращаются не только переводоведы, но также и представители других областей знания (и не только гуманитарного), которые делают очень неожиданные, но нередко интересные выводы. Таким ученым, бесспорно, является немецкий философ и теоретик литературы В. Беньямин. В работе «Задача переводчика», опубликованной в 1923 г. как предисловие к его переводу «Парижских картин» Ш. Бодлера и ставшей в итоге известным «манифестом» сущности перевода (Фокин 2013), Беньямин размышляет о соотношении эмпирического опыта переводчика и его главной (абсолютной) задачи, которая, по мнению философа, заключена в освобождении символического (формально невыразимого) языка, составляющего ядро поэтического текста. В своих рассуждениях автор доходит до высокого уровня абстракции, радикально отрывая текст перевода от его читателя («получателя») и утверждая, что вторичный переводной текст существует сам по себе. При этом исследователь отмечает, что, вырастая из оригинала, перевод обеспечивает его дальнейший рост. Именно в переводе «жизнь оригинала обретает свой неустанно возобновляющийся, самый исчерпывающий и самый поздний расцвет» (Беньямин 2004, 31). В «Задаче» представлен очевидный переводческий парадокс: текст перевода всегда будет онтологически недостаточен относительно оригинала, но именно недостаточность становится источником новых потенциальных смыслов, что и обеспечивает возобновление оригинала в его переводах (Фарафонова 2018, 12). Указанный парадокс не является единственным у Беньямина, который решительно отказывается переводу в его традиционно признанной главной цели — в коммуникации. Рассуждения об отношениях текстов оригинала и перевода приводят Беньямина к выводу о том, что эти отношения в первую очередь зависят от качества оригинала. По его мнению, именно в переводе происходит освобождение оригинала и, что особенно важно, некоего «чистого языка», понимаемого Беньямином как глубинное (духовное, виртуальное) смысловое содержание всякого языка, противостоящее содержанию предметному или коммуникативному (Чубаров 2011, 240). В силу вышесказанного обнаружение, а затем дальнейшее освобождение и сохранение высшего всеобщего языка и есть главная задача

переводчика. Особенно важно, что именно в переводах Беньямин видит залог дальнейшей жизни оригинала и отмечает, что переводы меняют оригинал, тем самым обновляя и сохраняя его (Беньямин 2004). Перевод — это одновременно оригинал и другой (уже новый) текст. И этот дуализм обеспечивает сохранимость и дальнейшее развитие оригинала.

Концепция перевода Беньямина нашла продолжение в работах философа и теоретика литературы Ж. Деррида, обратившегося к вопросам перевода в свете собственной теории деконструкции и трактующего трансформации оригинала как интерпретативный процесс. Деррида упорно отстаивает идею о том, что каждая новая интерпретация продлевает жизнь оригинала, поднимая его в более высокую атмосферу, развивая и возвращая его (Деррида 2002). С позиций автора идеи деконструкции перевод также становится важнейшим моментом роста оригинала.

«Сильный» художественный текст в межъязыковой переводческой перспективе

Тем не менее аксиомой художественного перевода является тот факт, что далеко не каждый текст становится регулярным объектом перевода или вообще переводится. Степень переводимости (потенциальная способность оригинала к интерпретации в переводе) текста литературы, а также «переведенность» (количество уже выполненных переводов) имеют ряд предпосылок: эстетико-художественные параметры текста, его эстетическую ценность; художественные вкусы времени появления и существования оригинала и его переводов, известность его автора; историю издания и тиражи текста оригинала. В этом контексте необходимо отметить, что художественные тексты, принадлежащие к ядру определенной культуры и формирующие данное ядро, можно вслед за Н. А. Кузьминой определить как «сильные» тексты культуры и, соответственно, литературы (Кузьмина 2009). «Сильные» художественные тексты широко известны в «своей» и в «чужих» культурах, обладают высоким эстетическим и, как следствие этого, энергетическим потенциалом, имеют большую аудиторию читателей, постоянно отдают свою энергию читателям и получают энергию от читателей, многократно усиливающуюся из-за возникающего информационного резонанса. Важной характеристикой «сильных» текстов является их очевидная способность к высокой степени интер-

претативности. Именно поэтому такие тексты традиционно становятся регулярными объектами художественного перевода. «Сильные» тексты особенно интересны в литературоцентрических культурах, к которым с полным правом принадлежит и русская культура. Именно посредством иноязычных переводов произведений А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака и других русских классиков представители «чужих» культур постигают загадочную русскую душу, русский менталитет и русский характер, знакомятся с особенностями русского быта, культурой и историей России.

По данным интернет-базы ЮНЕСКО Index Translationum, в список из 50 самых переводимых мастеров художественного слова включены три русских писателя: Ф. М. Достоевский (16-я позиция с индексом 2396), Л. Н. Толстой (23-я позиция с индексом 2267) и А. П. Чехов (42-я позиция с индексом 1528). Если рейтинг базы данных переводов отражает исключительно межъязыковую «переведенность», то сведения об экранизациях, театральных постановках, радиопостановках, других существующих интерпретациях и адаптациях текстов художественных оригиналов средствами невербальных семиотических систем свидетельствуют о «переведенности» межсемиотической природы. Обращение к экранизациям произведений указанных выше авторов показывает, что бесспорным лидером является А. П. Чехов. Так, в 2010 г. сайт «РИА Новости» сообщал: «По произведениям Антона Павловича Чехова осуществлено 245 экранизаций; снято 235 художественных фильмов и 10 анимационных» (Самые известные экранизации произведений Чехова 2010). Сайт RE-MOVIE приводит данные о 430 экранизациях чеховских произведений (Кого из русских классиков экранизируют... 2016), а «Википедия» сообщает о более чем 300 кино/телеверсиях.

Драматургический текст как объект межъязыкового перевода: история «Трех сестер»

А. П. Чехов широко известен в России и за ее пределами как выдающийся прозаик и драматург. Новаторство его драматургии оказало огромное влияние на формирование современного театра. Чеховские пьесы традиционно входят в репертуары большинства театров мира. Так, в Великобритании устойчивый интерес к творчеству Чехова возник после Первой мировой войны: английский зритель знакомился с театральными текстами драматурга в поста-

новках таких знаменитых режиссеров, как Дж. Фейген, А. Филмер, Ф. Комиссаржевский, Т. Гатри, Г. Кэсс, Л. Оливье и П. Брук. Первостепенное значение для успеха Чехова на британской сцене сыграли переводы пьес, выполненные К. Гарнетт. В 60–70-е гг. XX в. русский драматург приобрел большую популярность во Франции, чему в первую очередь способствовали успешные постановки его пьес Ж. Л. Барро, С. Питоева, Дж. Стреллера и др. С 1950-х гг. чеховские пьесы регулярно идут на сценах театров Китая, Кореи, Японии и других восточных стран. Каждая новая постановка становится вызовом для режиссеров, актеров и зрителей в силу не только объективных и субъективных трудностей интерпретации чеховского текста, но и его очевидной «русскости», основанной на русских характерах, идеях и идеалах, условиях.

Пьеса «Три сестры», написанная в 1900 г., а годом позже поставленная в Московском художественном театре К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко и опубликованная в журнале «Русская мысль», регулярно идет на сценах многих стран. Пьеса входит в канон «главных» чеховских пьес, включающий «Вишневый сад», «Дядю Ваню» и «Чайку» и составляющий неотъемлемую часть театрального репертуара и являющийся с точки зрения критиков «энциклопедией жизни» (Ходус 2009). По мнению известного театрального режиссера П. Штайна, «пьесы Чехова должны быть для каждого театра чем-то само собой разумеющимся, как пьесы Шекспира или античные драмы» (Urban 1988, 380). Непреходящая ценность и значение чеховских текстов обусловлена следующим: «[в них] тонко переплетается универсальное и глубоко национальное, порою трудно провести разграничивающую черту, так плавно одно перетекает в другое, второе вырастает из первого и наоборот. ...[весь мир] узнает себя в зеркале его рассказов и пьес. Узнает — каждый по-своему, каждый — для себя, но все же узнает. Китайцы, индусы, чехи, поляки, не говоря об англичанах, которые включают А. П. Чехова в курс “национальной драматургии”» (Додонова 2010, 7).

Универсальность писателя заключается в том, что в его концептосфере представлены основные ценности человека: жизнь, смерть, любовь, сам человек. Первой зарубежной театральной постановкой «Трех сестер» стал спектакль 1901 г. в Берлине. Пьеса была поставлена в США, Франции, Италии, Польше, Турции, Японии, Израиле и многих других странах.

Считается, что в пьесе представлены два главных уровня повествования: предметно-событийный и символический, связанный с миром метафизических идей и интерпретируемый как «апокалиптический дискурс» (Одесская 2002, 152). Постановка пьесы традиционно считается очень трудной для анализа (Meister 1988; Nunn 2000; Rzerka 1984). Первая и дальнейшие публикации текста «Трех сестер» вызвали крайне противоречивые отклики и оценки, что стало причиной множества интерпретаций текста, который повествует о человеке, его одиночестве, ожидании счастья и несбыточных мечтах, счастье и любви.

Успех пьесы на сценах театров мира, ее сценическая «судьба» во многом зависит от качества переводов. Необходимо отметить, что в контексте театральных постановок пьесы за пределами России можно говорить, по крайней мере, о комбинации перевода двух видов: вербальном межъязыковом переводе — интерпретации текста русского оригинала средствами языка и культуры перевода — и о межсемиотическом переводе (театральной адаптации) — интерпретации пьесы невербальными (или не только вербальными) средствами в соответствии с идеями и замыслом режиссера-постановщика. Можно и нужно согласиться с мнением известного французского театрального актера, режиссера и педагога, переводчика А. Витеза о том, что каждая новая версия перевода текста пьесы предопределена прежде всего новой театральной постановкой. И именно поэтому «окончательный» перевод любой пьесы никогда не будет создан, а ни один из существующих переводов не может считаться непререкаемым и неоспоримым (Vitez 1980, 77). Так, театральный режиссер Л. Аппель, известная постановками пьес Шекспира и Чехова в американских театрах, недавно предложила вместе с А. Хорсли новые переводы пяти чеховских пьес на английский язык. Как режиссер и переводчик Аппель справедливо отмечает, что новые переводы в первую очередь необходимы для понимания в XXI в. текстов, созданных в начале XX в. (Appel). Таким образом, появление каждого нового перевода пьесы вызвано прежде всего желанием ее нового «прочтения» и может быть определено как начальный (и, бесспорно, очень важный) этап в создании новой театральной постановки.

Каждый перевод чеховского текста на языки мира имеет свою историю и особенности. Первым переводом пьесы Чехова стал итальянский перевод 1901 г. Пьеса была первым драматургическим произведением Чехова, переведенным на французский язык. Перевод З. Еленковской

и Ф. Фагюса выполнен еще при жизни автора в 1903 г. В дальнейшем французские зрители могли познакомиться с чеховской пьесой в переводах Д. Роша (дословный перевод начала XX в., считающийся авторизованным переводом), Ж. Питоева (лингвокультурная адаптация, созданная для постановок в собственном театре переводчика в 1929 г.), Э. Триоле (перевод 1954 г., во многом сохранивший русский колорит оригинала), Ж. Каннак и Ж. Перро (перевод 1959 г., созданный на основе стратегии форенизации). Важное значение для «судьбы» рассматриваемой пьесы и всей чеховской драматургии во Франции имеют переводы А. Адамова (1958 г.), Ж. Перюса (переводчик собрания сочинения, вышедшего в 1952–1971 гг.), а также А. Марковича и Ф. Морван (90-е гг. XX в.), сохраняющие авторский замысел и стилистико-эстетическую специфику подлинника (Зырянова 2010).

Пьеса неоднократно переводилась на немецкий язык. На настоящий момент известно около 15 переводов. Первые три перевода появились при жизни автора в 1902 г. (переводчики В. Чумиков, А. Шольц, Г. Штюмке). Известно, что сам Чехов довольно скептически оценивал возможность появления хороших переводов своих текстов. В дальнейшем переводы «Трех сестер» выполнили Х. Ангарова (1947 г.), Л. Ботас (1956 г.), Р. Хоффман (1958 г.), С. фон Радецки (1960 г.), Г. Дювель (1964 г.), У. Буш (1967 г.) и П. Урбан (1974 г.). Наиболее профессиональными из перечисленных переводов по мнению исследователей наследия Чехова считаются версии Ангаровой, Ботаса, Хоффмана и Урбана. Одной из широко известных (хотя объективно не самой удачной) версий данного периода стал перевод Й. фон Гюнтера — известного переводчика русской классики. Перевод опубликован в 1953 г. и неоднократно переиздавался; в 1963 г. он вошел в трехтомное собрание сочинений Чехова на немецком языке. Исследователи считают, что автор перевода старался быть максимально корректным по отношению к чеховскому оригиналу, к его национальной специфике, но в итоге результат получился противоположным (Адам 2013, 90). Тем не менее переводы Гюнтера в 1950–1960 гг. были наиболее распространенными немецкими переводами Чехова, и именно они чаще всего использовались режиссерами для постановок на немецкоязычных сценах. Данный факт полностью справедлив и для «Трех сестер». Так, в 1965 г. в Штутгарте состоялась постановка пьесы режиссера «нового направления» Р. Нольте, в основу которой лег перевод Гюнтера,

существенно улучшенный переработкой режиссера. Данное сценическое воплощение имело большой успех, ставший во многом возможным благодаря таланту режиссера-постановщика. Таким образом, нельзя не согласиться с важным выводом о том, что в немецком культурном пространстве представлен некий «палимпсест», формируемый выполненными переводами: «Богатая традиция переводов драмы “Три сестры” свидетельствует о непреходящей актуальности чеховской пьесы для немецкоязычной культуры. Немецкие версии произведения, модифицируя оригинал соответственно индивидуальным установкам переводчиков и требованиям времени, создают многовариантное поле реализаций его уникального художественно-смыслового целого» (Адам 2008, 6).

Так, новейшие версии драматургического текста, созданные Т. Брашем (1985 г.), У. Цемме (1994 г.), А. Клеменом (1996 г.) и В. Буссом (2004 г.), отражают рецепцию Чехова в немецкоязычном пространстве конца XX — начала XXI вв. Е. А. Адам считает, что театральная рецепция драмы «Три сестры» в немецкоязычных странах, будучи особенно отзывчивой на изменения, вносимые временем, наиболее радикально трансформирует оригинал, подтверждая тем самым статус пьесы как «актуальной классики», а широкий диапазон постановочных интерпретаций раскрывает ее безграничный сценический потенциал (Адам 2008, 6).

Пьеса остается актуальной и для англофонной культуры. М. Сендич считает, что «Три сестры» являются самой переводимой на английский язык чеховской пьесой (Sendich 1995). По его данным, в 1995 г. существовало 29 переводов. Нет сомнений, что на настоящий момент эта цифра увеличилась. Историография переводов пьесы берет свое начало с версии Дж. Веста 1912 г. В рамках проекта «Гуттенберг» перевод Веста стал доступным читателям в формате электронной книги в 2009 г. Один из первых переводов был выполнен в 1916 г. К. Гарнетт и стал явным «долгожителем» в англофонной культуре. Примечательно, что более чем через 80 лет (в 1998 г.) версия Гарнетт была переработана и существенно отредактирована Дж. Раском и А. Маном, которые изъяли устаревшие лексические единицы и синтаксические конструкции, исправили написание. Такое возвращение к версии Гарнетт бесспорно свидетельствует о ее значимости. Высокую оценку критиков получил перевод М. Фрейна 1983 г. Являясь драматургом и писателем, Фрейн имел своей целью максимально приблизить переводимую пьесу к культуре перевода

и учесть особенности зрительского восприятия. В 1996 г. в серии «Великие переводы для актерских серий» опубликован перевод американки К. Рокамора — переводчика, критика, режиссера и драматурга. Известна версия пьесы Дж. Леджера 1998 г., добавившего сценические ремарки, которые объясняют значения русских культуронимов. Автором еще одной из англоязычных версий текста пьесы является известный переводчик П. Шмидт, который отмечал, что он пытался создать перевод, который помог бы актерам американских театров постичь суть пьесы и услышать ее звучание. Шмидт стремился создать не новую английскую версию русского оригинала, а именно американский перевод (Kirsh 1997). В англофонном культурном пространстве также известны переводы Т. Стоппарда, М. Будберг, Д. Маме, Р. Нельсона, Р. Котрелла, Н. Биллона, Т. Летса, Л. Калдвела, Дж. Кована, Е. Фен. Примечательно, что большинство из авторов переводов являются не только переводчиками, но и режиссерами, сценаристами, актерами и писателями. Последний известный нам перевод на английский язык был выполнен американкой С. Руль и опубликован в 2019 г.

Пьеса переводилась и на многие другие европейские языки. Первый чешский перевод сделан Б. Прусиком в 1906 г. В дальнейшем появились переводы П. Папачека (1920 г.), Л. Фикара (1949 г.) и К. Крауза и Й. Топола (1966 г.) (Назаренко 2010). Одним из последних чешских переводов стала версия известного актера Л. Сухаржицы.

Драматургия Чехова хорошо известна и в странах Востока. В 1921 г. в Шанхае отдельными выпусками в «Собрании русских пьес» вышли пьесы «Иванов», «Дядя Ваня», «Три сестры» (переводчик Гэн Шичжи) (Серебряков 2005). В 1924 г. пьесу «Три сестры» переводит Цао Цзинхуа. Первое издание перевода осуществлено в 1925 г. шанхайским издательством «Шанью», которое в дальнейшем публиковало пьесу в 1927, в 1932 и в 1947 гг. Другие китайские версии пьесы публиковались издательствами «Вэньлинь» в 1942 г. и «Вэньхуа шэнхо» в 1942, 1945, 1946 и 1949 гг. Отметим, что в 1940-е гг. на китайский язык были переведены уже все драматические произведения Чехова. В дальнейшем китайская версия пьесы была опубликована в 1954 г. издательством «Жэньминь вэньсюэ», а в 1960 г. — издательством «Чжунго сицзюй». В 1960 г. перевод Цао Цзинхуа был включен в «Сборник пьес Чехова». За период 1949–2004 гг. «Три сестры» были опубликованы в Японии двенадцать раз в шести переводах

(Гуревич 2010). И в XXI в. интерес к драматургии Чехова на Востоке не ослабевает.

«Три сестры» в межсемиотическом пространстве культуры

Историография перевода пьесы «Три сестры» на различные языки мира обнаруживает некоторое сходство и несомненные различия. Не менее сложной является история межсемиотического перевода пьесы, прежде всего на «языки» театра и кино. Отмечая значение чеховской драматургии, В. В. Хорольский пишет: «Английский Чехов, как русский Шекспир или немецкий Сервантес, интересен прежде всего с точки зрения различного восприятия художественных явлений в различных этнокультурных обстоятельствах» (Хорольский 2004, 43).

Не имея своей целью обзор театральных постановок пьесы в России и за рубежом, отметим, что чеховский текст не утрачивает своей актуальности и через сто лет после его создания. Одной из последних известных театральных постановок стал спектакль лондонского театра «Алмейда», состоявшийся весной 2019 г. Издание «The Economist» отметило данную постановку как яркое культурное событие и подчеркнуло, что отслужившее свой век («fin-de-siècle») в чеховской пьесе перенесено в настоящее, что обеспечивает связь между временем Чехова и XXI в. (Economist 2019). Примечательно, что летом 2019 г. в Лондоне (театр Водевиль) состоялись гастроли Малого драматического театра. Труппа из Санкт-Петербурга представила на суд британских зрителей «Трех сестер» в постановке Л. Додина. В рецензии издания «The Guardian» отмечалось, что в данной постановке зритель получил возможность увидеть знакомую пьесу, исполняемую на русском языке с английскими субтитрами, свежим взглядом (Billington 2019). Отметим, что субтитры также являются одним из видов перевода.

Пьеса имеет значительное количество киноверсий, созданных как в «своей» культуре, так и за ее пределами. В России (и ранее в СССР) пьеса экранизировалась в 1964 г. (режиссер С. Самсонов), 1994 г. (С. Соловьев) и 2017 г. (Ю. Грымов). Особое место среди киноадаптаций пьесы занимают телеспектакли: 1984 г. — телеспектакль в постановке Московского Художественного академического театра СССР имени М. Горького, режиссер С. Десницкий; 1989 г. — телеспектакль Ю. Любимова в исполнении актеров Театра на Таганке; 1997 г. — телеспектакль МХТ им. А. П. Чехова в постановке О. Ефремова.

Во Франции пьеса «Три сестры» («Les trois sœurs») выходила на кино- и телеэкраны также несколько раз: 1960 г. — телеспектакль Ж. Пра, ставший первой киноадаптацией пьесы. На французские экраны вышли киноверсии Ж.-М. Колдефи (1980 г.) и В. Бруни-Тедески (2015 г.).

Британский кинозритель мог познакомиться с пьесой («Three sisters») через адаптации 1963 г. режиссера Дж. Кемп-Велч, 1970 г. — С. Мессины (сериал BBC «Пьеса месяца»), 1981 г. — Т. Нанна, 2004 г. — М. Сэмюэлса. Широко известен фильм «Three sisters» 1970 г. режиссера Л. Оливье, снятый на основе спектакля Королевского национального театра 1967 г., постановку которого также осуществил Оливье. Ранее (в 1953 г.) BBC представила на суд зрителей видеозапись спектакля «Three sisters» (популярная программа «Театр воскресным вечером») режиссера Д. Кента. В 1966 г. в США на экраны вышла видеозапись спектакля «Three sisters» нью-йоркской «Актерской студии» Ли Страсберга.

В ФРГ пьеса выходила на экраны с традиционным названием «Drei Schwestern»: в 1963 г. — режиссер П. Бове, 1966 г. — М. Бэти и Р. Нольте и 1986 г. — ТВ ФРГ. В Испании пьеса «Las tres hermanas» ставилась как телесериал: 1967 г. — сериал «Театр всегда», 1970 г. — режиссер А. Г. Вергель (сериал «Студия 1»), 1991 г. — режиссер П. Роман. К пьесе Чехова также обращались кинематографисты Италии, Канады, Сербии, Финляндии, Аргентины, Норвегии, Нидерландов, Венгрии.

В киноверсиях традиционно сохраняется оригинальное чеховское название. Тем не менее в 1988 г. по мотивам чеховской пьесы на экраны вышел фильм немецкого кинорежиссера М. фон Тротта совместного производства Франции, Италии и ФРГ «Страх и любовь» («Fürchten und Lieben / Paura e amore»). Действие перенесено на север Италии в Павию, а имена действующих лиц изменены. В 2005 г. на экраны США вышел фильм режиссера А. Сайделмана, созданный по мотивам пьесы и получивший название «The sisters». Свободной фантазией стал фильм 1993 г. режиссера Б. Бланка «Если бы знать...». Действие данной киноверсии происходит в 1918 г. в Крыму.

Важно отметить, что театральные постановки пьесы и ее экранные версии нередко обнаруживают тесную связь: театральная версия ложилась в основу киноверсии. Так, театральная постановка режиссера Т. Лангхоффа (1979 г., берлинский театр им. Максима Горького) предшествовала его киноверсии, снятой в 1984 г.

в ГДР. Указывая на высокую эстетическую ценность фильма, пресса отмечала, что в данном случае «художественный брак между театром и телевидением принес свои плоды» (Hoff 1984).

Чеховский текст как аттрактор перевода

Воплощение драмы «Три сестры», помимо ее основного драматургического назначения, в других видах сценического искусства — балете и опере — подтверждает особую актуальность этого произведения для мирового культурного пространства. Режиссеры адаптировали оригинал в соответствии с их концепциями. В опере венгерского композитора П. Этвеша, созданной в 1997 г., изменен линейный нарратив чеховского оригинала. По мотивам чеховской пьесы в 1993 г. была создана песня ирландской поп-группы «The Divine Comedy». И каждый перевод (в узком и широком смысле данного понятия) пьесы становился культурным событием.

Э. Н. Мишкурин определяет художественный перевод как полисинтетический, метапереводческий акт образно-интеллектуальной, творческой деятельности переводчика, имеющий своей целью порождение третичного художественного текста с максимальной схожей родо-жанровой, композиционной и сюжетно-смысловой структурой и одинаковой дискурсивно-перлокутивной ориентацией на личность потенциального реципиента (Мишкурин 2010, 17–18). Методологически значимым является то, что Мишкурин определяет текст перевода (финальный текст, текст «для реципиента») как третичный по отношению к первичному тексту оригинала, а не вторичный (как традиционно). В понимании исследователя вторичным текстом является текст «для себя», создаваемый в результате индивидуального, объективно-субъективного, восприятия, осмысления переводчиком первичного текста. В таком случае межсемиотический перевод художественного оригинала, прошедшего через перевод межъязыковой, становится уже четверичным или даже пятеричным текстом: первичный оригинал — вторичный иноязычный текст «переводчика для

себя» — третичный текст межъязыкового перевода (для читателя-реципиента) — четверичный межсемиотический перевод «режиссера для себя» — пятеричный текст межсемиотического перевода (для зрителя-реципиента). При этом успех текстов различных стадий трансформации у реципиентов (как читателя, так и зрителя) во многом зависит от их фоновых знаний, а также психологических, социальных и других факторов. Приведенная последовательность вероятных преобразований первичного художественного текста отражает переход от словесно-эстетического к сценическому (драматический театр, опера, балет) и кинематографическому искусству и может иметь более сложный вид, например, при создании киноверсии театральной постановки и т. п. В данном контексте несомненный интерес представляет неогерменевтическая концепция перевода Р. Штольце, имеющая в основе проблему понимания исходного текста: каждый переводчик, ориентируясь на глубину своего индивидуального понимания данного фрагмента данного текста (или всего текста), примет переводческое решение, не похожее на его же решения или решения других переводчиков в аналогичных случаях (Stolze 1994). Неогерменевтическая модель перевода, предложенная для межъязыкового перевода, полностью применима и к переводу межсемиотическому. Каждая иноязычная и «инознаковая» версия чеховского текста является прямым результатом понимания оригинала его интерпретатором, которым может быть как собственно переводчик, так и режиссер театра и кино.

Различные трансформации русскоязычного оригинала чеховской пьесы демонстрируют феномен художественного перевода в его многообразных проявлениях. Пьеса стала генератором различного вида переводов, что позволяет говорить об обширном центре переводной аттракции, формируемом производными текстами различной семиотической природы, и об успешном выживании текста пьесы в синхронии и диахронии в течение более 100 лет, его «счастливой судьбе» в языках и культурах мира.

Источники

- Кого из русских классиков экранизируют чаще других. (2016) *RE-MOVIE*. [Электронный ресурс]. URL: <http://re-movie.ru/russian-literature-in-movies/> (дата обращения 02.10.2019).
- Самые известные экранизации произведений Чехова. (2010) *РИА Новости*, 2 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20100202/207251295.html> (дата обращения 20.09.2019).
- An intriguing new adaptation of Chekhov's "Three Sisters". (2019) *The Economist*, 18 April. [Online]. Available at: <https://www.economist.com/prospero/2019/04/18/an-intriguing-new-adaptation-of-chekhovs-three-sisters> (accessed 04.10.2019).

- Appel, L. Note on translation. *Five Chekhov's plays*. [Online]. Available at: <http://www.chekhovplays.com/notes-on-translations> (accessed 20.09.2019).
- Billington, M. (2019) Three Sisters review — stunning Russian staging of Chekhov classic. *The Guardian*, 21 June. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/stage/2019/jun/21/three-sisters-review-stunning-russian-staging-of-chekhov-classic-vaudeville> (accessed 02.10.2019).
- Hoff, P. (1984) Hervorragende Leistungen bis in die kleinste Rolle. *Neuen Deutschland*, 29. März, S. 4. *Index Translationum*. [Online]. Available at: <http://www.Unesco.org/xtrans/> (accessed 15.10.19).
- Kirsch, A. (1997) Chekhov in American. *The Atlantic*, July. [Online]. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1997/07/chekhov-in-american/376913/> (accessed 27.09.19)

Литература

- Адам, Е. А. (2008) *Рецепция драмы А. П. Чехова «Три сестры» в немецкоязычных странах. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Томск, ТГПУ, 22 с.
- Адам, Е. А. (2013) «Три сестры» А. П. Чехова в немецком переводе Й. фон Гюнтера. *Сибирский филологический журнал*, № 4, с. 89–96.
- Беньямин, В. (2004) Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера. В кн.: В. Беньямин. *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, с. 27–46.
- Гуревич, Т. М. (2010) Чехов в Японии: от образа к слову. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 68–77.
- Деррида, Ж. (2002) *Вокруг вавилонских башен*. СПб.: Академический проект, 112 с.
- Додонова, Н. Э. (2010) Перевод А. П. Чехова: универсальное и национальное. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 78–88.
- Зырянова, М. В. (2010) История переводов пьес А. П. Чехова на французский язык. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, с. 200–203.
- Кузьмина, Н. А. (2009) *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*. Омск: ОмГУ, 228 с.
- Мишкурин, Э. Н. (2010) О метатрансляционных аспектах художественного перевода. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 17–26.
- Назаренко, Л. Ю. (2010) Драмы Чехова в чешских переводах: история и современность. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 89–95.
- Одесская, М. М. (2002) «Три сестры»: символично-мифологический подтекст. В кн.: А. П. Чудаков (сост.). *Чеховиана. «Три сестры» — 100 лет*. М.: Наука, с. 150–158.
- Попович, А. (1980) *Проблемы художественного перевода*. М.: Высшая школа, 188 с.
- Серебряков, Е. А. (2005) Чехов в Китае: обзор. В кн.: З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая (ред.). *Чехов и мировая литература: в 3 кн. Кн. 3*. М.: ИМЛИ РАН, с. 5–51.
- Топер, П. М. (1975) Перевод художественный. В кн.: А. М. Прохоров (ред.). *Большая советская энциклопедия. Т. 19. 3-е изд.* М.: Советская энциклопедия, с. 369.
- Фарафонова, Д. С. (2018) Вальтер Беньямин: от теории перевода к теории культуры. *Studia Litterarum*, т. 3, № 4, с. 10–25.
- Фокин, С. Л. (2013) Владимир Библихин и Вальтер Беньямин о сущности перевода. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, т. 2, № 1, с. 16–27.
- Ходус, В. П. (2009) *Метапоэтика драматического текста А. П. Чехова: лингвистический аспект. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук*. Ставрополь, СГУ, 460 с.
- Хорольский, В. В. (2004) А. П. Чехов и английская культура первых десятилетий XX века (к проблеме рецепции личности и творчества). *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, № 2, с. 43–46.
- Чубаров, И. (2011) Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык. *Логос*, № 5–6, с. 237–252.
- Meister, Ch. W. (1988) *Chekhov Criticism. 1880 through 1986*. Jefferson: McFarland Publishers, 350 p.
- Nunn, T. (2000) Notes from a director: Three Sisters. In: V. Gottlieb, P. Allain (eds.). *The Cambridge Companion to Chekhov*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 101–110.
- Rzepka, C. T. (1984) Chekhov's The Three Sisters, Lear's daughters, and the world of the weird sisters: The arcana of archetypal influence. *Modern Language Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 18–27. DOI: 10.2307/3194348
- Sendich, M. (1995) Chekhov's "Tri Sestry" in English translations: Why Chekhov sounds different in English than in Russian. *Russian Language Journal*, vol. 49, no. 162–164, pp. 239–272.
- Stolze, R. (1994) *Übersetzungstheorien: Eine Einführung*. 6. Auflage. Tübingen: G. Narr, 254 S.
- Urban, P. (1988) *Über Čechov*. Zurich: Diogenes Verlag, 486 S.
- Vitez, A. (1980) Entretien avec Antoine Vitez, Propos recueillis par Georges Banu et Daniel Bougoux. *Silex*, no. 16, pp. 74–81.

Sources

- An intriguing new adaptation of Chekhov's "Three Sisters". (2019) *The Economist*, 18 April. [Online]. Available at: <https://www.economist.com/prospero/2019/04/18/an-intriguing-new-adaptation-of-chekhovs-three-sisters> (accessed 04.10.2019). (In English)
- Appel, L. Note on translation. *Five Chekhov's plays*. [Online]. Available at: <http://www.chekhovplays.com/notes-on-translations> (accessed 20.09.19). (In English)
- Billington, M. (2019) Three Sisters review — stunning Russian staging of Chekhov classic. *The Guardian*, 21 June. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/stage/2019/jun/21/three-sisters-review-stunning-russian-staging-of-chekhov-classic-vaudeville> (accessed 02.10.19). (In English)
- Hoff, P. (1984) Hervorragende Leistungen bis in die kleinste Rolle. *Neuen Deutschland*, 29. März, S. 4. (In German)
- Index Translationum*. [Online]. Available at: <http://www.Unesco.org/xtrans/> (accessed 15.10.19). (In English)
- Kirsch, A. (1997) Chekhov in American. *The Atlantic*, July. [Online]. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1997/07/chekhov-in-american/376913/> (accessed 27.09.19). (In English)
- Kogo iz russkikh klassikov ekraniziruyut chashche drugikh [Which of the Russian classics are screened more often than others]. (2016) *RE-MOVIE*. Available at: <http://re-movie.ru/russian-literature-in-movies/> (accessed 02.10.19). (In Russian)
- Samye izvestnye ekranizatsii proizvedenij Chekhova [The most famous film adaptation of the works of Chekhov]. (2010) *RIA Novosti*, 2 February. Available at: <https://ria.ru/20100202/207251295.html> (accessed 20.09.2019). (In Russian)

References

- Adam, E. A. (2008) *Retseptsiya dramy A. P. Chekhova "Tri sestry" v nemetskoyazychnykh stranakh [Reception of Chekhov's drama "Three sisters" in German-speaking countries]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 22 p. (In Russian)
- Adam, E. A. (2013) "Tri sestry" A. P. Chekhova v nemetskom perevode J. fon Gyuntera ["The three sisters" by A. P. Chekhov in German translation by von Gyunter]. *Siberian Journal of Philology*, no. 4, pp. 89–96. (In Russian)
- Benjamin, W. (2004) Zadacha perevodchika. Predislovie k perevodu "Parizhskikh kartin" Bodlera [The task of the translator. Foreword to the translation of Baudelaire's "Tableaux Parisiens"]. In: W. Benjamin. *Masken der Zeit: Essays zur Kultur und Literatur*. Saint Petersburg: Simposium Publ., pp. 27–46. (In Russian)
- Chubarov, I. (2011) Perevod kak opyt nechuvstvennykh upodoblenij. Prichiny neudach perevodov "Zadachi perevodchika" Val'tera Ben'yamina na russkij yazyk [Translation as an experience of non-sensual similarities. Reasons for failures of Walter Benjamin's "The Task of the Translator" translations into the Russian language]. *Logos*, no. 5–6, pp. 237–252. (In Russian)
- Derrida, J. (2002) *Des tours de Babel*. Saint Petersburg: Academic Project Publ., 112 p. (In Russian)
- Dodonova, N. E. (2010) Perevod A. P. Chekhova: universal'noe i natsional'noe [Translating A. P. Chekhov: Universal and national]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — The Moscow University Herald. Series 22. Translation Theory*, no. 3, pp. 78–88. (In Russian)
- Farafonova, D. S. (2018) Val'ter Ben'yamin: ot teorii perevoda k teorii kul'tury [Walter Benjamin: From the theory of translation to the theory of culture]. *Studia Litterarum*, vol. 3, no. 4, pp. 10–25. (In Russian)
- Fokin, S. L. (2013) Vladimir Bibikhin i Val'ter Ben'yamin o sushchnosti perevoda [Vladimir Bibikhin and Walter Benjamin on the essence of translation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 2, no. 1, pp. 16–27. (In Russian)
- Gurevich, T. M. (2010) Chekhov v Yaponii: ot obraza k slovu [Chekhov in Japan: From image to word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — The Moscow University Herald. Series 22. Translation Theory*, no. 3, pp. 68–77. (In Russian)
- Khodus, V. P. (2009) *Metapoetika dramaticheskogo teksta A. P. Chekhova: lingvisticheskij aspekt [Meta poetics of drama text by A. P. Chekhov]. PhD dissertation (Philology)*. Stavropol: Stavropol State University, 460 p. (In Russian)
- Khorolsky, V. V. (2004) A. P. Chekhov i anglijskaya kul'tura pervykh desyatiletij XX veka (k probleme retseptsii lichnosti i tvorchestva) [A. P. Chekhov and English culture of XX century first decades (towards a problem of person's reception and creative work)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 43–46. (In Russian)
- Kuz'mina, N. A. (2009) *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretatsii [Intertext: The theme with variations. The phenomena of language and culture in intertextual interpretation]*. Omsk: Omsk State University Publ., 228 p. (In Russian)
- Meister, Ch. W. (1988) *Chekhov Criticism. 1880 through 1986*. Jefferson: McFarland Publishers, 350 p. (In English)

- Mishkurov, E. N. (2010) O metatranslyatsionnykh aspektakh khudozhestvennogo perevoda [On the metatranslational aspects of literary translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — The Moscow University Herald. Series 22. Translation Theory*, no. 3, pp. 17–26. (In Russian)
- Nazarenko, L. Yu. (2010) Dramy Chekhova v cheshskikh perevodakh: istoriya i sovremennost' [Chekhov's drama in Czech translation: The history and the present]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — The Moscow University Herald. Series 22. Translation Theory*, no. 3, pp. 89–95. (In Russian)
- Nunn, T. (2000) Notes from a director: Three Sisters. In: V. Gottlieb, P. Allain (eds.). *The Cambridge Companion to Chekhov*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 101–110. (In English)
- Odesskaya, M. M. (2002) "Tri sestry": simboliko-mifologicheskij podtekst ["Three sisters": Symbolic-mythological subtext]. In: A. P. Chudakov (comp). *Chekhoviana. "Tri sestry" — 100 years ["Three Sisters": One hundredth anniversary]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 150–158. (In Russian)
- Popovič, A. (1980) *Theory of literary translation*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 188 p. (In Russian)
- Rzepka, C. T. (1984) Chekhov's The Three Sisters, Lear's daughters, and the world of the weird sisters: The arcana of archetypal influence. *Modern Language Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 18–27. DOI: 10.2307/3194348 (In English)
- Sendich, M. (1995) Chekhov's "Tri Sestry" in English translations: Why Chekhov sounds different in English than in Russian. *Russian Language Journal*, vol. 49, no. 162–164, pp. 239–272. (In English)
- Serebryakov, E. A. (2005) Chekhov v Kitae: obzor [Chekhov in China: Review]. In: Z. S. Papernyj, E. A. Polotskaya (eds.). *Chekhov i mirovaya literatura [Chekhov and world literature]: In 3 books. Book 3*. Moscow: IWL RAS Publ., pp. 5–51. (In Russian)
- Stolze, R. (1994) *Übersetzungstheorien: Eine Einführung*. 6. Auflage. Tübingen: G. Narr, 254 S. (In German)
- Toper, P. M. (1975) Perevod khudozhestvennyj [Literary translation]. In: A. M. Prokhorov (ed.). *Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19*. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 369. (In Russian)
- Urban, P. (1988) *Über Čechov*. Zurich: Diogenes Verlag, 486 S. (In German)
- Vitez, A. (1980) Entretien avec Antoine Vitez, Propos recueillis par Georges Banu et Daniel Bougoux. *Silex*, no. 16, pp. 74–81. (In French)
- Zyryanova, M. V. (2010) Istoriya perevodov p'es A. P. Chekhova na frantsuzskij yazyk [History of French translations of A. P. Chekhov's plays]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya — Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 200–203. (In Russian)

Приемы обучения иностранных учащихся пониманию текстов на этапе довузовской подготовки (русский язык как иностранный)

С. А. Гривина^{✉1}

¹ Московский педагогический государственный университет,
119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Сведения об авторе

Светлана Александровна Гривина,
SPIN-код: 6345-3683,
e-mail: grivinasvetlana@yandex.ru

Для цитирования:

Гривина, С. А.
(2020) Приемы обучения
иностранному учащемуся
пониманию текстов на этапе
дovuзовской подготовки
(русский язык как иностранный).
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 2, № 2, с. 104–110.
DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-
2-104-110

Получена 23 сентября 2019;
прошла рецензирование 1 апреля
2020; принята 20 апреля 2020.

Права: © Автор (2020).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена методическим приемам, которые используются при работе с текстом в таких инновационных технологиях, как проблемная и проектная технологии, а также в технологии обучения функциональному чтению. Данные приемы позволяют обучить когнитивным стратегиям понимания текстовой информации, необходимым для формирования навыков и умений текстовой деятельности на изучаемом языке. Наиболее эффективно они применяются в методике обучения функциональному чтению, в которой элементы и принципы основных инновационных технологий реализованы в системе и на принципиально новой основе.

Термины «функциональная грамотность» и «минимальная грамотность», которые были введены в 1975 г. ЮНЕСКО, обозначают комплекс навыков и умений, обеспечивающих способности к пониманию, оценке и интерпретации текстов, а также к использованию текстовой информации в повседневной, учебной и профессиональной деятельности. Функциональное чтение является одной из составляющих минимальной (функциональной) грамотности. В международных исследованиях PISA и PIRLS, посвященных анализу уровня функциональной грамотности, умения в области чтения определяются как способность к осмыслению письменных текстов с целью извлечения из них информации и использованию текстовой информации в своих целях. В современной методической литературе под функциональным чтением понимается чтение с целью поиска информации для решения конкретной задачи, выполнения определенного задания с использованием различных приемов чтения — просмотрового, аналитического, изучающего. В статье раскрывается содержание концепции обучения функциональному чтению и обосновывается ее эффективность уже на элементарном и базовом уровнях овладения русским как иностранным, в том числе и языком специальности.

В публикации предложены возможные формы обучения стратегиям понимания текста и навыкам функционального чтения на примере организации работы с учебным текстом по языку специальности «Правоведение» базового уровня (А2); приведена система предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий, обоснована их дидактическая целесообразность и описана методика их выполнения. В качестве дидактического материала было использовано электронное учебное издание Э. Н. Анохиной, И. А. Антиповой, С. А. Гривиной и др. «Русский язык (как иностранный)» (2018), в разработке которого участвовал автор.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, инновационные технологии, проблемная технология, функциональное чтение, обучение пониманию.

Methods of teaching foreign students to understand texts at the stage of pre-university preparation (Russian as a foreign language)

S. A. Grivina^{✉1}

¹ Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Bldg 1, Moscow 119991, Russia

Author

Svetlana A. Grivina,
SPIN: 6345-3683,
e-mail: grivinasvetlana@yandex.ru

For citation:

Grivina, S. A.
(2020) Methods of teaching foreign students to understand texts at the stage of pre-university preparation (Russian as a foreign language). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 104–110. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-104-110

Received 23 September 2019;
reviewed 1 April 2020;
accepted 20 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. This article is devoted to the methods of teaching to work with text in such innovative technologies as a problematic technology and project technology as well as in technology of functional reading for the purpose to build skills and abilities of understanding and interpretation of the texts. The article is devoted to instructional techniques that are used when working with text in such innovative technologies as a problem and design technology, as well as technology training functional reading. These techniques make it possible to teach cognitive strategies to understand text information, necessary for the formation of skills and abilities of text activity in the target language. Most effectively they are used in the methods of teaching functional reading, in which the basic elements and principles of innovative technologies are implemented in the system and on a fundamentally new basis. The terms “functional literacy” and “minimum literacy”, which were introduced in 1975, UNESCO designated range of skills and abilities, providing the ability to understand, evaluate and interpret texts, as well as the use of textual information in daily, academic and professional activities. Functional reading is one of the components of the minimum (functional) literacy. In the PISA study and PIRLS, dedicated to the analysis of the level of functional literacy in reading skills are defined as the ability to the comprehension of written texts and reflection, to extract the textual information and its use for their own purposes. In the modern methodological literature under the functional reading is understood reading to search for information to solve a particular problem, perform certain tasks, which uses methods of viewing, analytical, studying reading. In this article reveal indicates content of teaching the concept of functional reading and substantiates its effectiveness already in the elementary and basic levels of mastery of Russian as a foreign language including language specialty. The publication suggested possible forms of learning strategies of text comprehension and skills functional reading on the example of the organization of work with educational texts on language specialty “Jurisprudence” Basic level (A2) is shown system tasks, which use before the texts and after texts justified their didactic expediency and describes a method of implementation. In an e-textbook has been used as a didactic material “Russian language (as a foreign language)” (Anokhina, Antipova, Grivina et al. 2018) in development of which the author participated.

Keywords: Russian as a foreign language, innovative technologies, problematic technology, functional reading, text activity.

Введение

Незачем учиться говорить, если нечего сказать.

Ж. Ласера, французский методист¹

Основные мотивы, побуждающие обучающихся подготовительного факультета к овладению русским как иностранным (РКИ), определяются учебной и профессиональной деятельностью, которую они смогут осуществлять посредством языка. В связи с этим формирова-

ние навыков и умений в основных видах речевой деятельности ориентировано на обучение когнитивным стратегиям, обеспечивающим понимание устных и письменных текстов на изучаемом языке. Реализовать данные цели в практике преподавания позволяют продуктивные инновационные технологии и технологии непрямого обучения языку, которые направлены на овладение иноязычной речью в процессе осуществления какой-либо деятельности.

На сегодняшний день в методике преподавания РКИ разработан целый ряд инновацион-

¹ Цит. по: Московкин, Шамонина 2017, 14.

ных технологий, таких как театральная, экскурсионная, игровая, проблемная, проектная, технологии художественного и педагогического творчества и рекламной деятельности. Но все они ориентированы на развитие уже сформированных речевых навыков и умений, что существенно ограничивает возможности применения данных технологий на начальных этапах обучения.

Альтернативным вариантом в практике преподавания РКИ на начальных этапах овладения языком может стать технология обучения функциональному чтению, которая позволяет использовать элементы инновационных технологий в системе уже на элементарном и базовом уровнях овладения языком и предполагает чтение и обсуждение проблемных текстов (элементы проблемной технологии), разыгрывание диалогов и подготовку импровизированных выступлений на их основе (элементы театральной технологии), разработку проектов учебных экскурсий (элементы экскурсионной технологии), написание эссе, научных, публицистических и иных творческих работ (элементы проектной технологии).

Основная часть

Термин «функциональное чтение» наряду с такими понятиями, как «функциональная грамотность» и «минимальная грамотность», был введен в 1975 г. ЮНЕСКО. В исследованиях PISA и PIRLS, посвященных данному подходу к обучению, грамотность в области функционального чтения определяется как «способность к осмыслению письменных текстов и их рефлексии»; «способность к извлечению текстовой информации и ее использованию в своих целях» (цит. по: Логвина, Рождественская 2012). В современной методической литературе функциональное чтение определяется как «чтение с целью поиска информации, решения конкретной задачи, выполнения определенного задания», при котором используются приемы просмотрового, аналитического, изучающего чтения (Логвина, Рождественская 2012, 4).

Технология обучения функциональному чтению также предполагает актуализацию и применение навыков и умений в остальных видах речевой деятельности для получения информации из текста, его сжатия и преобразования в учебных целях.

Эффективность приемов функционального чтения обусловлена тем, что они обладают большим развивающим потенциалом и направлены не только на обучение речи, но и на овла-

дение способами учебной, научной и творческой деятельности.

Примером того, как приемы технологии функционального чтения реализуются в практике преподавания, может служить организация работы с образцом текста² блога о студенте-первокурснике юридического факультета, который может быть использован при овладении языком по специальности «Правоведение» в рамках изучения модуля «Введение в научный стиль речи» на подготовительном курсе университета на базовом уровне.

Учебные текстовые материалы по специальности представляют особую трудность для обучающихся в силу того, что их отличает обобщенность и отвлеченность содержания, преобладание абстрактных существительных и сложных конструкций научной речи. В то же время овладение языком профилирующего предмета во многом обуславливает эффективность обучения на старших курсах.

Работе с текстом, как правило, предшествует семантизация новой лексики, ключевых слов и выражений, определяющих понимание его содержания. Представления о значении новых лексических единиц формируются при выполнении системы притекстовых заданий, которые направлены на обучение когнитивным стратегиям, развивают чувство языка, «языковое чутье» и позволяют обучающимся «догадаться» о смысле слов по их структуре, контекстному окружению или коммуникативным ситуациям, связанным с их употреблением.

Одним из приемов перевода новой лексики без помощи словаря является выделение общего корня в ряду однокоренных слов и их объяснение. Например, в задании № 1.1 обучающимся предлагается самостоятельно объяснить такие важные для текста лексемы, как «блог», «блогер» и «блогосфера».

Задание № 1.1. Прочитайте новые слова, подчеркните их общий корень: блог, блогер, блогосфера.

Слово «блог» не нуждается в переводе и является исходным в данном словообразовательном ряду, а потому и опорным при выполнении задания. Объяснив его, обучающиеся переходят к следующему — «блогер» — и вместе с преподавателем вспоминают аналогичные и знакомые им слова, которые называют людей по виду выполняемой деятельности: менеджер, дирижер, стажер, актер. Далее они самостоятельно формулируют значение лексемы «бло-

² Переработанный текст из урока № 3. Русский язык (как иностранный) (Анохина, Антипова, Гривина и др. 2018).

госфера», которая обычно не представляет для иностранцев трудностей в толковании за счет образующих ее существительных-интернационализмов.

В целях проверки уровня понимания новых лексем и их актуализации в речевой деятельности обучающимся предлагаются задания №№ 1.2, 1.3, 2.1, 2.2, в которых новые понятия представлены в контекстном окружении.

Задание № 1.2. Восстановите предложения.

... — это веб-сайт.

... — это человек, который ведёт блог.

... — это все блоги в интернете.

Задание № 1.3. Закончите пример.

web/сеть, интернет + log/журнал = blog/_____?

Задание № 2.1. Прочитайте текст.

Блог — веб-сайт, основное содержимое которого регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Людей, ведущих блог, называют блогерами. Совокупность всех блогов Сети принято называть блогосферой.

Задание № 2.2. Вы хотите создать и вести свой блог. Напишите, что нужно сделать для этого. Используйте информацию из текста.

Создать _____.

Регулярно _____.

Как можно видеть из предыдущих примеров, прием подбора и включения новой лексической единицы в группу однокоренных слов можно эффективно сочетать с заданиями на семантизацию незнакомой лексики с опорой на контекст. Этому принципу соответствует и задание № 3. Так, если в первой его части еще допускается использование словаря при переводе, то во второй части от обучающихся требуется самостоятельно восстановить предложения, объясняющие смысл новых лексем, по контексту, а также ориентируясь на однокоренные слова, которые представлены в обозначениях и дефинициях новых понятий.

Задание № 3.1. В тексте вы встретите новые слова. Ознакомьтесь с ними. При необходимости обратитесь к словарю.

сильный	умный	решительный
смелый	честный	неподкупный

Задание № 3.2. Соедините части предложений.

Сильный человек →	физически здоровый, с сильным характером.
Смелый человек	никогда не обманывает.
Честный человек	всегда быстро решает, что делать.

Умный человек	никогда и ничего не боится.
Решительный человек	нельзя купить, подкупить.
Неподкупный человек	тот, кто обладает умом, сообразительный человек.

Семантизация новой лексики в процессе работы с текстом, как правило, предполагает не только подготовку обучающихся к восприятию текстового материала, но и расширение их активного словарного запаса, формирование навыков употребления новых слов в речи. С этой целью предлагается система условно-коммуникативных заданий, таких как задания №№ 3.3, 4.

Задание № 3.3. Приведите примеры ситуаций, в которых прокурор должен быть сильным, смелым, честным и т. д. Закончите предложения:

Прокурор должен быть сильным, когда _____.

Прокурор должен быть честным, когда _____.

Прокурор должен быть решительным, когда _____.

Прокурор должен быть неподкупным, когда _____.

Задание № 4. Вы хотите работать в прокуратуре. Напишите резюме на вакансию прокурора. Укажите, какие личные качества, необходимые прокурору, есть у вас. Используйте новые слова.

РЕЗЮМЕ

ФИО: _____

Цель: прокурор

Дата рождения: чч/мм/гггг

Город: _____

Семейное положение: _____

Телефон: +7-xxx-xxx-xx-xx

E-mail: _____

Образование: _____

Высшее (очное) _____ (____ — ____ гг.)

(название вуза) _____

Специальность: _____

Дополнительная информация:

Личные качества: (1) _____, (2) _____,

(3) _____

По завершении предтекстового этапа работы обучающиеся переходят к выполнению предтекстовых заданий, которые, в отличие от традиционных вопросов к тексту, предполагают не столько формирование навыков воспроизведения прочитанного, сколько обучение когнитивным стратегиям понимания содержания в процессе ознакомительного, просмотрового и обучающего чтения, а также использования полученных знаний в учебной и профессиональ-

ной деятельности. Например, задание № 5.1 направлено на обучение пониманию основной фактуальной информации текста в процессе просмотрового чтения. Важным условием на данном этапе работы является строгое соблюдение времени, отведенного преподавателем на его выполнение.

Задание № 5.1. Быстро прочитайте текст и напишите ответы на вопросы по содержанию текста.

Как зовут этого блогера?

Кем он решил стать и почему?

Каким, по мнению автора текста, должен быть прокурор?

Нравится ли автору текста быть студентом? Почему?

Привет всем, кто читает мой блог.

Моё имя вы встретите в русских сказках «Иван да Марья», «Иван — крестьянский сын», «Иван-царевич и серый волк». Так там зовут главного героя. Иван в сказках сильный и смелый, умный и решительный, и в детстве я очень хотел быть похожим на него.

Наверное, поэтому после школы я решил поступить в университет на юридический факультет. Но, скорее всего, я выбрал специальность юриста, потому что захотел пойти по стопам родителей.

Мой папа работает в прокуратуре. Он честный, справедливый и неподкупный. Папе очень нравится его профессия. Ведь он часто помогает людям, которые попали в беду.

Моя мама — адвокат. Она работает в суде. А я в июне успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом Московского государственного юридического университета, прокурорско-следственного факультета.

Долгие месяцы тренировок, подготовка к экзаменам по истории, обществознанию, праву, русскому языку позади. Я успешно сдал ЕГЭ (единный государственный экзамен) и нормативы по физической культуре.

В сентябре у меня начнётся новая жизнь, жизнь студента. Нужно учиться быть самостоятельным и отвечать за себя, ценить своё время и планировать свой день. Но только так и можно стать юристом, воспитать характер и силу воли и по-новому понять слова «справедливость», «закон» и «порядок».

Мне кажется, я уже нашёл своё призвание. А вы?

Задание № 5.2 способствует формированию навыков понимания скрытой информации, со-

держающейся в подтексте, в процессе более углубленного изучающего чтения.

Задание № 5.2. Прочитайте текст ещё раз, ответьте на вопросы и выполните задания.

1) Вы тоже хотите поступить в Московский юридический университет и стать прокурором. Запишите важную для вас информацию.

- Когда проходят вступительные экзамены в университет?
- Какие экзамены необходимо сдать?
- Когда начинается учебный год в университете?

2) Объясните значение нового выражения: «Пойти по стопам родителей».

Стопа (стопы) — шаг.

- а) всегда во всём слушаться своих родителей;
- б) постоянно и везде ходить вместе с родителями;
- в) делать всё также, как делают родители;
- г) выбрать ту же профессию, которую выбрали родители.

3) Почему Иван пишет: «В сентябре у меня начнётся новая жизнь»?

- а) он будет жить в другой стране;
- б) он станет прокурором;
- в) он станет студентом;
- г) он женится.

4) В какой ситуации вы можете сказать: «У меня начнётся новая жизнь»? Напишите три примера.

На этапе послетекстовой работы целесообразно предложить обучающимся обсудить основную идею текста. На базовом уровне владения языком сделать это возможно посредством системы заданий, предполагающих обсуждение понятия-концепта к прочитанному тексту. Например, выполняя задание № 6, обучающиеся должны порассуждать над словом «призвание», поскольку именно о призвании студента-первокурсника шла речь в прочитанном ими учебном текстовом материале.

Задание № 6.1. Прочитайте статью из толкового словаря Д. Н. Ушакова.

ПРИЗВАНИЕ (что? — ср. р.)

Влечение к какому-нибудь делу, какой-нибудь профессии ... Призвание к науке. Призвание к музыке. Следовать своему призванию. Художник по призванию (Ушаков 2014, 528)

Задание № 6.2. Назовите синоним к словам «влечение», «призвание». Если вам сложно это сделать, то назовите синоним к глаголу «интересоваться».

Задание № 6.3. Прочитайте и переведите слова. При необходимости обратитесь к словарю. Какие из этих слов являются синонимами слова «призвание»? Подчеркните их.

Роль, приказ, талант, приглашение, увлечение, вопрос, дар, жизнь, способность, интерес.

Задание № 6.4. Соедините части предложений. Ответьте на вопросы, в чём призвание врача, учителя, офицера, инженера, архитектора, спортсмена? При необходимости обратитесь к словарю.

Призвание судьи — →	вершить правосудие.
Призвание врача —	строить дома.
Призвание учителя —	устанавливать рекорды
Призвание архитектора —	создавать и ремонтировать машины, механизмы.
Призвание спортсмена —	защищать свою родину.
Призвание инженера —	лечить людей.
Призвание офицера —	учить детей.

Поскольку работа с текстом завершается, как правило, выходом в речь, в коммуникацию, в системе послетекстовых заданий обязательно должны присутствовать творческие задания, при выполнении которых обучающиеся могут использовать извлеченную из прочитанного информацию в условно-коммуникативных ситуациях учебной и профессиональной деятельности.

К таким, например, относится задание № 8, в котором предлагается составить рассказ, аналогичный прочитанному для успешного выполнения письменного задания на экзамене.

Задание № 8. Вы сдаёте итоговый экзамен на подготовительном курсе университета. Напишите сообщение о себе. В качестве образца используйте рассказ Ивана.

• Поздоровайтесь.	Привет всем, кто читает мой блог.
• Скажите, как вас зовут. Расскажите о своём имени так, чтобы подчеркнуть лучшие качества вашего характера.	Моё имя вы встретите в русских сказках «Иван да Марья», «Иван — крестьянский сын», «Иван-царевич и серый волк». Так там зовут главного героя. Иван в сказках сильный и смелый, умный и решительный, и в детстве я очень хотел быть похожим на него. Наверное, поэтому после школы я решил поступить в университет на юридический факультет

• Расскажите о ваших родителях, о том, как они помогли вам найти ваше призвание.	Но, скорее всего, я выбрал специальность юриста, потому что захотел пойти по стопам родителей. Мой папа работает в прокуратуре. Он честный, справедливый и неподкупный. Папе очень нравится его профессия. Ведь он часто помогает людям, которые попали в беду. Моя мама — адвокат. Она работает в суде.
• Расскажите о том, как вы готовились к экзаменам и какие экзамены вы сдавали / будете сдавать.	А я в июне успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом Московского государственного юридического университета, прокурорско-следственного факультета. Долгие месяцы тренировок, подготовка к экзаменам по истории, обществознанию, праву, русскому языку позади. Я успешно сдал ЕГЭ (единый государственный экзамен) и нормативы по физической культуре.
• Расскажите о том, что вы ждёте от нового места учёбы.	В сентябре у меня начнётся новая жизнь, жизнь студента. Нужно учиться быть самостоятельным и отвечать за себя, ценить своё время и планировать свой день. Но только так и можно стать юристом, воспитать характер и силу воли и по-новому понять слова «справедливость», «закон» и «порядок».

При выполнении следующего и заключительного задания от обучающихся требуется использовать знания, полученные в процессе работы с текстом, новые слова и выражения уже

в профессиональной деятельности, при устройстве на работу.

Задание № 9. Вы ищете работу вашей мечты. Напишите объявление на сайте вакансий. В объявлении объясните:

- 1) Почему вы выбрали эту профессию? Почему это ваше призвание?
- 2) Какие у вас есть качества нужные для этой профессии?
- 3) Каких целей вы хотите достичь на этой работе?

Заключение

Как мы видим, приемы обучения функциональному чтению, представленные нами в системе заданий к одному из учебных текстов, позволяют не только сформировать и развить у обучающихся речевые навыки и умения, но и совершенствовать их способности в учебной и профессиональной деятельности, что позволяет сделать вывод об актуальности и эффективности данной технологии на довузовском этапе преподавания РКИ.

Сокращения

РКИ — Русский язык как иностранный

PISA — Programme for International Student Assessment (международная программа по оценке образовательных достижений учащихся)

PIRLS — Progress in International Reading Literacy Study (международное сопоставительное исследование читательской грамотности)

Источники

Анохина, Э. Н., Антипова, И. А., Гривина, С. А. и др. (2018) *Русский язык (как иностранный): электронный учебник*. М.: Военный университет. 2 CD-ROM.

Словари и справочная литература

Ушаков, Д. Н. (2014) *Толковый словарь современного русского языка. 100 000 слов и словосочетаний*. М.: Аделант, 801 с.

Литература

Логвина, И., Рождественская, Л. (2012) *Формирование навыков функционального чтения. Книга для учителя (II–III ступень обучения). Курс для учителей русского языка как родного*. Нарва: Нарвский колледж Тартуского университета, 57 с.

Московкин, Л. В., Шамонина, Г. Н. (2017) *Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному*. М.: «Русский язык». Курсы, 144 с.

Sources

Anokhina, E. N., Antipova, I. A., Grivina, S. A. et al. (2018) *Russkij yazyk (kak inostrannyj): elektronnyj uchebnik [Russian language (as a foreign language): Electronic textbook]*. Moscow: Military University Publ. 2 CD-ROM. (In Russian)

Dictionaries and reference literature

Ushakov, D. N. (2014) *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 100 000 slov i slovosochetaniy [Dictionary of modern Russian language. 100 000 words and phrases]*. Moscow: Adelant Publ., 801 p. (In Russian)

References

Logvina, I., Rozhdestvenskaya, L. (2012) *Formirovanie navykov funktsional'nogo chteniya. Kniga dlya uchitelya (II–III stupeni obucheniya). Kurs dlya uchitelej russkogo yazyka kak rodnogo [Formation of functional reading skills. Book for reading (1–2 stage of learning). Course for teachers of Russian as a native language]*. Narva: Tartu Ülikooli Narva kolledž, 57 p. (In Russian)

Moskovkin, L. V., Shamonina, G. N. (2017) *Produktivnyye innovatsionnye tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Productive innovative technologies in teaching Russian as a foreign language]*. Moscow: "Russian language". Courses Publ., 144 p. (In Russian)

УДК 81`24

DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-111-114

Билингвизм в жизни и в классе.

Рецензия на коллективную монографию: Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019)
Educational bilingualism: New language pedagogy.
Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p.

Н. К. Генидзе^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

Сведения об авторе

Наталья Кирилловна Генидзе, SPIN-код: 6057-3329, e-mail: lingvotheory@inbox.ru

Для цитирования: Генидзе, Н. К. (2020) Билингвизм в жизни и в классе. Рецензия на коллективную монографию: Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) *Educational bilingualism: New language pedagogy.* Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 2, № 2, с. 111–114. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-111-114

Получена 23 апреля 2020; принята 5 мая 2020.

Права: © Автор (2020). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Ключевые слова: билингвизм, методика обучения иностранным языкам, глобанглизация, носитель языка, второязычный носитель языка.

Bilingualism in life and classroom.

Book review: Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019)
Educational bilingualism: New language pedagogy.
Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p.

N. K. Genidze^{✉1}

¹ Saint-Petersburg State University of Economics, 21 Sadovaya Str., Saint-Petersburg 191023, Russia

Author

Natalia K. Genidze, SPIN: 6057-3329, e-mail: lingvotheory@inbox.ru

For citation: Genidze, N. K. (2020) Bilingualism in life and classroom. Book review: Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) *Educational bilingualism: New language pedagogy.* Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, 274 p. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 111–114. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-111-114

Received 23 April 2020; accepted 5 May 2020.

Copyright: © The Author (2020). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Keywords: bilingualism, TESL, globanglisation, NEST, NNEST.

Идея о том, что лучшим учителем языка является его носитель, на что он буквально обречен самим фактом своего происхождения, уходит корнями глубоко в историю России. Вспомним, что А. С. Пушкин «приставил» к своему герою «*Monsieur l'Abbe*», который описывается писателем как «француз убогой», т. е. французское происхождение искупает все недостатки учителя (Пушкин 1969, 7). И. Куликова, бесспорно, справедливо отмечает, что в русской литературе XVIII века «француз-гувернер всегда осмысливается комически и выступает как сатирический персонаж» (Куликова 2006, 8). А. В. Чудинов в своем обзоре также убедительно показывает распространенность стереотипа бездарного французского учителя, закрепившегося сначала в художественной литературе, а затем перекочевавшего в историческую (Чудинов 2004). Эти наблюдения ни в коей мере не отменяют самого факта общепринятой привлекательности образовательного процесса носителей языка, причем действительно безотносительно к их прочим человеческим и профессиональным качествам. По свидетельствам современников, «у многих знатных господ живут беглецы, банкроты, развратники, и немало женщин такого же рода, которые, по здешнему пристрастию к французам, занимались воспитанием детей значительных лиц» (Мессельер 1874).

Ситуацию не изменило и введение в 1757 году обязательной аттестации гувернеров, описываемой в воспоминаниях непосредственных участников как пустая формальность. Так, гувернер-швейцарец Форнеро упоминает в переписке о том, что «половина бездарных гувернеров, которых мы здесь видим, не осмеливается или не хочет просить сертификат, но, тем не менее, продолжает работать» (цит. по: Ржеуцкий 2011).

С той поры, конечно, много воды утекло, и многое изменилось. В частности, французский язык в функции международного уступил место английскому. Но миф о том, что лучше носителя языка учителя быть не может, кем бы этот носитель ни был, остается. Так, каждая уважающая себя школа или курсы иностранных языков предлагает в качестве особого конкурентного преимущества занятия с носителем: «Мы снимаем языковые барьеры, вы учитесь языку, разговаривая на нем с его носителями»; «Долой книжную пыль и схоластику, знакомую всем со времен школьной парты! На курсах английского в СПб Вы будете вдоволь практиковаться в разговорном и помогут Вам настоящие носители языка»... Как отмечается на форуме Europe

Language Jobs, лишь 30 % предложений работы учителя английского языка не содержат в качестве требования статус носителя этого языка (Europe Language Jobs).

В этом контексте практически революционной видится монография «*Educational bilingualism: New language pedagogy*», коллектив авторов которой возглавили Н. А. Гунина и Р. П. Мильруд (Gunina, Millrood 2019).

Следует оговориться, что революционной книга является не с точки зрения русской методической школы, которая уже давно настойчиво, последовательно и убедительно показывает важность учета языковых привычек обучающихся, сформировавшихся на основе родного языка и неизбежно переносимых ими на изучаемый иностранный язык. Обращение к родному языку важно как для преодоления негативного межъязыкового переноса, так и для поиска общего фундамента, на который можно было бы опереться. Революционной она является с точки зрения англофонного общества, носителей английского языка.

Действительно, сложившаяся в практике преподавания английского языка ситуация в последние десятилетия получает достаточно бурное и эмоциональное освещение в специальной литературе, где описывается как «*NEST vs. NNEST debate (controversy, dichotomy)*»; причем проблематизируется ситуация неносителями языка (NNESTs), отмечающими факт их дискриминации. Своего рода монополия на преподавание родного для них английского языка — прямое следствие мировой «глобализации» (Кабакчи 2009), которая, естественно, выгодна англофонным странам. И факт публикации вышеназванной монографии можно расценивать как признание за неносителями языка права на не просто владение им, а на его (вос)производство, т. е. фактически как отказ от «авторских прав» на язык.

Это изменение — закономерная реакция на новую языковую ситуацию в мире, характеризующуюся экспансией английского языка и возникновением на его основе новых региональных вариантов — World Englishes, за каждым из которых встает его собственная языковая норма, отражающая языковой опыт и менталитет говорящего на нем общества. Описывая английский язык на настоящем этапе, Д. Кристал признает права на творческое использование и, следовательно, преподавание языка за его второязычными носителями: «*To have learned a language is immediately to have rights in it. You may add to it, modify it, play with it, create in it, ignore bits of it, as you will. And it is just as likely*

that the course of the English language is going to be influenced by those who speak it as a second or foreign language as by those who speak it as a mother-tongue» (Crystal 2003, 172).

При таком подходе становится очевидной необходимость учета специфики родной для обучаемых лингвокультуры, опоры на нее. Билингвизм учащихся, разумеется, неизбежно порождает интерференцию, однако в свете нового взгляда на английский язык как совокупность национальных его вариантов (Proshina, Eddy 2016) интерференция представляется уже не просто языковыми ошибками, а выражением лингвокультурной идентичности говорящего, что является ожидаемой нормой в межкультурной коммуникации.

Авторы рецензируемой монографии представляют собой мультилингвокультурный коллектив, рассматривающий широкий спектр

вопросов, связанных с пониманием сути и места билингвизма и бикультурализма в современном обществе, сопоставлением подходов к обучению представителей различных лингвокультур, обоснованием билингвальной методики обучения иностранному языку, предполагающей учет не только особенностей родного языка, но также родной культуры и специфики менталитета учащихся. Итогом этого коллективного труда стало убедительное обоснование и всестороннее освещение билингвального подхода к преподаванию иностранного языка в разных аудиториях. Лишь взгляд сквозь призму родного языка и культуры позволяет, с одной стороны, ощутить различие между родным и изучаемым языком, а с другой, научиться использовать иностранный язык в применении к родной культуре для раскрытия своего самобытного менталитета.

Источники

- Мессельер, де ла (1874) Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 года (С предисловием, примечаниями и послесловием переводчика). *Русский архив*. Кн. 1. Вып. 4. Стб. 952–1031. [Электронный ресурс]. URL: http://mikv1.narod.ru/text/Mes_RA74K1V4.htm (дата обращения 20.04.2020).
- Пушкин, А. С. (1969) Евгений Онегин. В кн.: А. С. Пушкин; Д. Благой (ред.). *Собрание сочинений: в 6 т.* Т. 4. М.: Правда, с. 7.
- Europe Language Jobs*. [Online]. Available at: <https://www.europelanguagejobs.com/> (accessed 20.04.2020).

Литература

- Кабакчи, В. В. (2009) Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация. В кн.: В. Е. Чернявская, С. Т. Золян (ред.). *Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век*. СПб.: СПбГУЭФ; Лингва, с. 91–113.
- Куликова, И. (2006) Тип француза-губернера XVIII века в русской литературе. *Literatūra*, т. 48, № 2, с. 7–21. DOI: 10.15388/Litera.2006.2.8064
- Ржеуцкий, В. С. (2011) Французские губернеры в России XVIII века: результаты международного исследовательского проекта «Французы в России». *Французский ежегодник*, т. 2011, с. 58–80.
- Чудинов, А. В. (2004) Французские губернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность. В кн.: С. Я. Карп, С. А. Мезин (ред.). *Европейское Просвещение и цивилизация России*. М.: Наука, с. 330–340.
- Crystal, D. (2003) *English as a global language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p. DOI: 10.1017/CBO9780511486999
- Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) *Educational bilingualism: New language pedagogy*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, vii, 274 p.
- Proshina, Z. G., Eddy, A. A. (eds.). (2016) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 328 p.

Sources

- Europe Language Jobs*. [Online]. Available at: <https://www.europelanguagejobs.com/> (accessed 20.04.2020). (In English)
- Messel'ér, de la (1874) Zapiski g. de la Messel'era o prebyvanii ego v Rossii s maya 1757 po mart 1759 goda (S predisloviem, primechaniyami i poslesloviem perevodchika) [Notes of Mr. de la Messel'ier about his stay in Russia from May 1757 to March 1759 (With a preface, notes and an afterword by the translator)]. *Russkij arkhiv [Russian archive]*. Book 1. Iss. 4. Col. 952–1031. Available at: http://mikv1.narod.ru/text/Mes_RA74K1V4.htm (accessed 20.04.2020). (In Russian)

Pushkin, A. S. (1969) Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. In: A. S. Pushkin; D. Blagoj (ed.). *Sobranie sochinenij [Collected works]: In 6 vols. Vol. 4.* Moscow: Pravda Publ., p. 7. (In Russian)

References

- Chudinov, A. V. (2004) Frantsuzskie guvernery v Rossii kontsa XVIII v.: stereotypy i real'nost' [French tutors in late 18th century Russia: Stereotypes and reality]. In: S. Ya. Karp, S. A. Mezin (eds.). *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii [European Enlightenment and Russia's civilization]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 330–340. (In Russian)
- Crystal, D. (2003) *English as a global language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p. DOI: 10.1017/CBO9780511486999 (In English)
- Gunina, N. A., Millrood, R. P. (eds.). (2019) *Educational bilingualism: New language pedagogy*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishers, vii, 274 p. (In English)
- Kabakchi, V. V. (2009) Yazyk moj, kamo griadeshi? Globalizatsiya, "globanglizatsiya" i mezhekul'turnaja kommunikatsiya [Language, Quo vadis? Globalisation, "globanglisation" and intercultural communication]. In: V. E. Chernyavskaya, S. T. Zolyan (eds.). *Yazyk v paradigmatkakh gumanitarnogo znaniya: XXI vek [Language in humanities paradigm: 21st century]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ.; Lingva Publ., pp. 91–113. (In Russian)
- Kulikova, I. (2006) Tip frantsuza-guvernera XVIII veka v russkoj literature [The type of 18th century French tutor in the Russian literature]. *Literatūra*, vol. 48, no. 2, pp. 7–21. DOI: 10.15388/Litera.2006.2.8064 (In Russian)
- Proshina, Z. G., Eddy, A. A. (eds.). (2016) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 328 p. (In English)
- Rjeoutski, V. S. (2011) Frantsuzskie guvernery v Rossii XVIII veka: rezul'taty mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta "Frantsuzy v Rossii" [French tutors in Russia in the 18th century: The results of an international research project "Frenchmen in Russia"]. *Frantsuzskij ezhegodnik — Annual of French Studies*, vol. 2011, pp. 58–80. (In Russian)